

Интернет-журнал Виноградова

Номер 2, Лето 2009

И не сказка, да и не была...

- Яга, Яга, ну, Яга! - кричал Иван-Царевич, устремив взор на грязное маленькое резное окошко и жуя зеленое яблоко.

Краска давно облупилась - избушка на курьих ножках терпеливо переживала не самые лучшие времена.

Окно со страшным скрипом отворилось. Показалось заспанное и неумытое лицо Бабы Яги.

- Ты чего кричишь, окаянный? – с опаской поинтересовалась она. Лучше б Иван-Царевич проехал мимо и желательно по другой дороге. Так ведь нет...

- Яга, дело срочное...

- Опять всякую дрянь жуешь, - успокоилась старуха, исподлобья глядя на добра молодца. – Потом не жалуйся. Из-под куста три дня не вылезешь...

- Ай, - отмахнулся Иван-Царевич, но яблоко поспешно выбросил. – Где Змей Горыныч?

- А я почему знаю? – Яга ощерилась почти беззубой пастью. – Он мне не докладывает.

- А если хорошо подумать? - с легкой угрозой в голосе усмехнулся добрый молодец, бряцая автоматом-кладенцом.

Бабка сразу стала поговорчивее:

- Так ведь, милок, он улетел, очередное техобслуживание проходит. Ресурс второй турбины на исходе.

- Какое техобслуживание? – заорал что есть мочи Иван-Царевич. – Тут супостат иноземный наступает, а у него техобслуживание. Опять какая-нибудь змея подколотая ему голову вскружила?

- Чего не знаю, того не знаю, - быстренько отмежевалась Баба-Яга. – Разбирайтесь сами.

- А где искать-то его?

- А то не знаешь? – съехидничала старуха и захлопнула окошко.

Разговор окончен. Иван-Царевич забрался во внедорожник и направил свой автомобиль по лесной дороге. Выехав на развилку, он притормозил, довольно долго размышлял, а затем, плюнув в сторону каменного дорожного указателя, грозившего ему всевозможными невзгодами, свернул налево.

После многих часов мытарства по разбитым сказочным дорогам Иван-Царевич, наконец, добрался до высоких гор, гордо уходящих в поднебесье. Мохнатые облака скрывали горные вершины. А на широком плато прятался от любопытных глаз грозный Змей-Горыныч.

- Вот ты где, - Иван-Царевич сокрушенно покачал головой, рассматривая новую подружку Змея. Он никак не мог привыкнуть к трехговым змеиным особям женского пола. Все бы ничего, вот только косметикой они злоупотребляют, причем огнеупорной...

- Свалился, как снег на голову, - посетовал Горыныч и разочарованно обдал жаром джип добра молодца.

- Ты так не шути, - предупредил Иван-Царевич, придирчиво осматривая внедорожник. – Ты тут прохлаждаешься, с бабами развлекаешься, а мы, между прочим, в это самое лихое время землю нашу общую защищаем, не щадя живота своего...

Змей-Горыныч пропустил упрек мимо ушей и разговаривать с Иваном-Царевичем не стал.

- Что молчишь, огнедышащий ты наш? – Иван начал с уговоров. – Помощь твоя требуется. Поднимай в воздух свою рать. Танки супостатов прорвали оборону и движутся к Стольному граду. Вся надежда на тебя. Больше обратиться не к кому.

- Ага! – с грубым сарказмом в голосе прорычал Горыныч. – Как награды раздавать или добычу делить, так Горыныч подвинься, птицам деньги не нужны, а как в штаны наложили с перепугу, так Горыныч выручай! Подь отсюда. До нас супостаты не доберутся. А доберутся – пожалеют. Нынче моя хата с краю.

- Горыныч, - Иван-Царевич начал давить на патриотические чувства. – Вражеские орды топчут нашу землю. Ведь мы с тобой соотечественники. Живем бок о бок...

- Всю жизнь мечтал жить с тобой бок о бок, - насмешливо перебил его Змей. – Век бы тебя не видеть... Жизнь мне сломал, Кощей сгубил, душегуб...

- Горыныч...

- Так вам и надо, проклятым. Пусть сгинет ваш Стольный град, пусть камня на камне не останется... и Василиса твоя тоже...

- Горыныч, помоги, умоляю тебя, потом проси все, что хочешь...

Змей повернул к Ивану-Царевичу все три головы. В его шести глазах сверкнули алчные искорки.

- Клянешься?

- Клянусь, - подтвердил Иван-Царевич. – Проси все, что пожелаешь.

- Ну, ладно...

«Наивный», - усмехнулся про себя Иван-Царевич, провожая взглядом последнюю, только что поднявшуюся с высокогорного аэродрома змеиную эскадрилью. Он все предусмотрел заранее.

На дворе двадцать первый век. Кто же теперь в сказки верит? Даже Иванушка-дурачок и тот давно поумнел. Жизнь заставила...

1944

Он идёт,
Зашивая туман за собой...
Он идёт,
По кусочкам льда...
Он идёт, еле ноги плетёт, загребая в ботинки горсти песка...
Нет сил на мечты. Ветки лезут в глаза!
Он мечтает дойти, или ищет конца?
Голый, слабый, немой...
Но пока ещё есть!
Он ведет за собой вереницу надежд.
И почти не дыша,
Приоткроет он глаз.
Рассмотрел не спеша, в небе несколько фраз,
Он подумал, что жив, если видит опять.
"Я иду за тобой... в небе лучик из фраз..."
Он почти подошёл,
И запахло углём...
Обманули лучи! то горел его дом!
...Он упал до конца и заткнул себе нос.
Чтоб не чувствовать запах пепла, крови и слез.

На краю нигде

– Слышишь? Шумит тишина – сегодня громче, чем обычно.
Что вокруг? Сырая земля! А на ней сидят нищие...
Нет! ты послушай! ты посмотри! ...Я слышу шелест листвы! но деревьев здесь нет! Я мокрый весь от воды! но где дожди? ...дождей нет...
– Я тоже слышу жужжання жучков. И как весной, к лицу пристаёт паутина летучих паучков...
– А вокруг ни души, а вокруг сырость, пыль...
– И не видно небес...
– Где оно?! или... Небо! А! Не могу смотреть вверх...
– Ни ночь, ни день...
– И где наш лес?
– Ни смерть, ни жизнь...
Луна сорвалась с небес...

Ангел

...Когда тебя вырывает из действительности и кидает в реальность, именно в этот момент ты осознаешь всю ничтожность своей жизни.

Днем за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем, ты прожигаешь свою жизнь – прожигаешь однообразно и скучно.

Попав в круговорот жизни, ты уже не можешь вырваться из нее. Ты крутишь свое колесо, как хомячок, посаженный в клетку. Тебе дали кормушку и колесико для бега – беги! И ты бежишь, бежишь невольно, бежишь усердно к своей заветной цели, которую уже и забыл. Бежишь по кругу, просто потому что уже сложно остановиться, накручивая круг за кругом, потому что остановиться страшно.

А где она, та цель, к которой ты так стремишься? Как бесформенная тень, слабый образ, маячит где-то на горизонте, но распознать это ты уже не можешь. Или не хочешь? Ведь все так налажено, все так привычно и складно, что ты уже боишься повернуть в другую сторону, попробовать вернуться к своей цели, добиться ее. Зачем искать что-то другое, чего-то большего? А если не получится? Ты трус, а от осознания этого ты пытаешься бежать еще быстрее. Стараясь не возвращаться к этой мысли, бежишь еще быстрее, как загнанный кролик: в своей колее, не сворачивая и не оборачиваясь по сторонам...

Всю эту картину своей жалкой жизни он осознал в одно мгновение, вот так просто. Его осенило по дороге на работу, в московском метро, когда он стоял на платформе станции. Как будто его толкнули в спину и резко отдернули назад. Он стоял на этой платформе, пропуская поезд за поездом, а в голове возникал вопрос за вопросом. И, возможно, ответ за ответом.

Он понял, что ему некуда ехать и некуда идти. Вся жизнь в одно мгновение перевернулась, застыла как картинка, и он был готов порвать эту картинку в клочья.

Стало понятно, что работа – это глупость, что он продает никому не нужный товар. Что жена его не любит, а он ее ненавидит. Родителям на него наплевать, для них важнее его брат и семья брата, а до него им дела нет. Даже его собственные дети стали безразличны ему.

Зачем нужна такая жизнь? Внезапно он подумал: «А что, если именно это причина всех несчастных случаев в метро? Человек просто не выдерживает всей правды, открывшейся внезапно и, делая шаг вперед, падает на рельсы».

Нет, все это глупости. Но уже прошел час, как он спустился в метро, чтобы ехать на работу, а он так и оставался в метро. Он вышел из метро совершенно другим человеком, чувствовал, что с этого момента жизнь изменилась, что все теперь будет по-другому.

Он шел по улицам, не узнавая их. Все только казалось знакомым, но было другим, он как будто бы шел один среди многолюдной толпы.

Краски кругом стали серы, улицы и дома тоже, даже лица людей скрывала серая гримаса будней. Он как будто шел через людей, которые его не замечали.

Вскоре он стал замечать яркие краски. Среди тусклых людских лиц попадались и другие, они выделялись из толпы, но не только своей яркостью и цветом. Они видели его, кто-то улыбался, кто-то кивал в знак приветствия. Одна девушка даже улыбнулась и подмигнула ему, а мужчина в ярком свитере вскинул руку в знак приветствия и тоже улыбнулся, он отвечал им тем же.

Присмотревшись, он стал замечать, что здоровались не только с ним, все «яркие люди» здоровались друг с другом: жестами, знаками, улыбками, словами. Он тоже отвечал на жесты, улыбки, все знаки внимания, но никто не пытался заговорить с ним.

Еще он заметил, что среди тусклости города, домов и людей только рекламные плакаты не утратили своей яркости, своих цветов и, пожалуй, дети тоже, хотя он видел всего несколько сорванцов.

Когда он вышел на маленькую улицу, то узнал Малую Ордынку. Удивительно, он прошел пешком очень много. Все изменилось, но осталось прежним.

Людей, ярко выделяющихся от всех, становилось все больше, но они, в отличие от других, никуда не спешили. Осматриваясь по сторонам, он остановился возле церкви, яркая женщина средних лет остановилась рядом, она посмотрела на него и улыбнулась, он ответил ей тем же.

– Вы недавно среди нас? – Спросила она не поворачиваясь.

– Наверное, – он не знал, как отвечать, что надо было сказать?

– Ну, ничего, скоро Вам все станет ясно, Вам покажут и расскажут. – С этими словами она ушла.

В недоумении он остался стоять около церкви, осматриваясь вокруг и пытаясь понять хоть что-то.

Калитка на территорию церкви была открыта, и он прошел внутрь. За церковью оказалась большая лужайка, в центре которой находился памятник, украшенный цветами. Больше всего это походило на стелу. Изображенная фигура сочетала в себе и мужские и женские черты, ее руки возвышались над головой и уходили далеко в небо. Возле памятника стоял мужчина в белой одежде, которая больше напоминала рясу.

– Красиво, – прошептал он, вставая рядом.

– Да. И спокойно, – ответил мужчина поворачиваясь. – Я Николай, живу здесь. А Вы быстро пришли, Павел.

– Не знаю, я последнее время ничего не знаю, но многое понимаю, Вы меня понимаете?

– Да, я Ваш наставник на первое время, моя задача провести Вас, пока вы не будете готовы.

– К чему? И что со мной происходит? Я что – умер? И кто тогда Вы?

– Готовы Вы к окончательному открытию бытия. С вами происходит понимание. Вы не умерли. Я Ангел Миров. – Его спокойствие и откровенность ввергла Павла в ступор.

– Что дальше? – спросил Павел.

– Вы слишком рано переступили черту, понимаете ли, Вас мы не ждали.

– Вы правда Ангел?

– Да, я Ангел Миров, Николай, – с этими словами он расправил руки в стороны, опустил голову вниз, его длинные белые волосы закрыли лицо, а из-за спины появились крылья, очень большие крылья, в два раза превышающие его рост. Прекрасное зрелище и завораживающее.

Затем Николай опустил руки, его крылья послушно сложились за спиной, но не исчезли, когда он поднял голову, глаза его сияли счастьем, а на лице играла довольная улыбка.

– Впечатляет, – сказал Павел, немного смущаясь.

– Я знаю, – довольно ответил Николай.

– Теперь я могу узнать, чем удостоен такой чести знакомства с Вами? – Павел сам не знал, почему перешел на такой слог, но именно такая форма ему показалась правильной в этой ситуации.

– Я не вправе ответить на этот вопрос, но это пока. Отвечу на то, что знаю и что могу сказать.

– А что мне можно знать?

– Хм... Для тебя уже открылись некоторые истины, самого себя в первую очередь.

– Да, хорошо, а почему я вижу все вокруг таким тусклым и безжизненным? Лишь некоторые отличаются от всего.

– Вокруг нас, Павел, множество миров и жизней. Ты всего лишь переступил грань одного из миров, но не перешел, поэтому видишь и тех и других. Что тебе кажется тусклым – это твой Мир, а что ярким – Мир, куда ты попал.

– Я могу общаться со своим Миром? С теми, кого знаю? – Павла больше удивляло то спокойствие, с которым он воспринимал информацию, чем все происходящее с ним.

– Вряд ли, как я уже говорил, ты на грани, ты как бы застрял, поэтому видишь оба мира сразу, но вступить в контакт можешь только здесь.

– А что это – здесь? Где я?

– В Мире.

– Что мне делать дальше? Ждать?

– Жди, скоро все решится.

– А что потом?

– Потом, – Ангел на мгновение задумался, – потом ты сможешь начать все заново, с нуля.

– А если не захочу?

– Тебе страшно? – спросил ангел, Павел отрицательно закивал. – Тогда захочешь, ты ведь уже думал об этом?

Павел не знал, что ответить, серьезно задумался над последним вопросом Ангела, но ответ никак не шел в голову. Думал ли он на самом деле начинать все сначала или не думал, Павел никак не мог вспомнить. В голове нескончаемым шумом проносился свист и шум чего тяжелого, что очень сильно начало отвлекать его от разговора с Ангелом.

Ангел Николай просто стоял рядом, с любопытством рассматривая памятник, как будто видел его впервые.

– Хорошо Николай, я буду ждать, время же у меня есть? – Нарушил тишину Павел.

– О, Павел, я так не думаю, время не то понятие, которое можно измерить, а здесь, в этом месте, и особенно где находитесь Вы, время не имеет значения. Его просто нет. Так что забудьте о нем. – Николай повернулся к своему собеседнику, его глаза продолжали излучать свет, он улыбнулся.

– Я должен признаться, что немного растерян. Все, происходящее в последнее время, а особенно встреча с Вами, Николай... – Теперь Павел говорил тише, он опустил голову вниз, всматриваясь в свои ботинки, они были тусклыми.

– Поверьте Павел, это нормально. Такое происходит не часто и не со всеми. Но Вы не испугались меня, как это часто бывает, наоборот, я даже немного расстроен: Вы отнеслись ко мне как к обыденному, чему-то банальному. – Ангел Николай зашагал вперед, Павел пошел рядом.

– Если обидел Вас, Николай, прошу меня простить. – Павлу стало неудобно и стыдно, он и предположить не мог, что ангелы существуют и умеют обижаться.

– Все хорошо, не привык, знаете ли, к такой реакции на меня. Перед принятием решения, Павел, Вы не хотели бы что-то еще узнать, что я могу Вам рассказать?

Павел очень многое хотел спросить у ангела, но ни один вопрос не слетал с языка. Они шли по тусклой аллее. Все кругом было серым, но только статуи имели яркий насыщенный цвет.

– Ангел? Я правда могу начать сначала?

– Правда, Павел, все с чистого листа, так, как ты этого захочешь. Все что было «до» – уже не будет, все что будет – то будет «после».

Павел шел спокойно и размерено, пытаясь задуматься серьезно о своей жизни, но ничего не приходило в голову, мысль о начале не давала покоя. Ведь зная все наперед, он может легко переиграть свою жизнь. Его не мучил вопрос о прошлой жизни, о жене, о детях, все это было очень далеко и уже не его.

– А я смогу вернуться сюда?

– Тебе страшно? – Вопросом на вопрос ответил Николай.

– Да, – теперь искренне ответил Павел, – мне страшно.

– Ты вернешься, вы все получаете второй, третий, n-ый шанс, но все равно попадаете сюда.

– А если я не знаю что выбрать, что тогда?

– Тебе отведено свое время. Какое? Не смогу сказать, но ты поймешь это сам. Ты хочешь проститься со своими родными, увидеть их еще раз?

– Если возможно, то да. – Но Павел знал, что ему все равно, и ангел знал это тоже.

– Пойми, Павел, решать только тебе, я не тороплю тебя и не настаиваю на твоём выборе. Парк казался нескончаемым, аллея вела вперед, одна статуя сменяла другую и так далее. Павлу казалось, что нет причин возвращаться, его влекла мысль о новой жизни.

– Многие смогли решить правильно?

– О чем ты? – удивился ангел.

– Ну, кто-нибудь пожалел о случившемся выборе, или может быть наоборот?

– Нет, – сказал ангел, улыбаясь, от чего лицо его помолодело и засияло счастьем. – Нельзя об этом пожалеть, у тебя есть время, не торопись, напоминаю еще раз.

– Я все уже решил, хочу начать все с начала, я хочу новую, другую жизнь.

– Хорошо, – спокойно сказал Ангел, продолжая вышагивать по бесконечной аллее.

– И все? А что дальше? Когда все изменится? – Занервничал Павел, ему показалось, что он сделал неправильный выбор, что все не так как должно быть на самом деле.

Ангел же продолжал молчать, задумчиво всматриваясь в даль, не выражая никаких эмоций.

Павел замедлил свой шаг, отставая от ангела, плечи его осунулись, голова склонилась набок, он смотрел на ноги ангела и шел следом за ним, так же молча. Тропинка была извилистой, была уложена старыми камнями, которые с годами потеряли свой естественный цвет, сделались тусклыми и засаленными. Внезапно Павел стал различать новые оттенки и цвета, которые раньше были серыми. Трава вдоль дорожки окрашивалась, серый камень приобретал насыщенные цвета, казалось, даже воздух наливался красками. Он поднял голову и понял, что яркость вернулась в мир, только статуи не менялись.

Но не только цвета вернулись, звуки тоже вошли в мир Павла, где он находился. Он слышал пение птиц, шум транспорта где-то вдалеке, невнятные разговоры поблизости. Ему показалось, что вокруг него сгущается пространство, что все начинает медленно, но сильно давить на него, даже воздух становился тяжелым и липким.

Павлу все тяжелее становилось дышать, движения стали скованными, каждый последующий шаг давался с невероятным трудом, и в какой-то момент он просто не смог сделать следующий шаг. Давление свыше стало для него невыносимым, и он упал на колени, из последних сил протянув руку в сторону ангела.

Николай остановился, повернулся к нему. Он больше не произнес ни слова, его бездонные глаза смотрели на Павла.

Павел же пытался спросить, что происходит, но не мог произнести ни звука, его рот беззвучно открывался и закрывался, язык не желал подчиняться хозяину, но недолго. Он упал лицом вниз, единственное, на что хватало сил, так это держать глаза открытыми, он успел заметить, как только что четкая, красочная картинка мира начала расплываться, вначале тускнеть, а вскоре растворяться совсем...

...Ангел Николай смотрел на то, как исчезает тело Павла, когда над его плечом раздался тихий голос:

– Он не вернулся, да?

– Да. Все они отказываются от своих жизней бесповоротно и почти без сомнений, – сказал ангел, поворачиваясь к своему собеседнику. Рядом с Николаем стоял ангел, облаченный в черную рясу, его крылья были больше чем у Николая даже в сложенном виде,

они возвышались над плечами. Золотые кудри украшали его голову, а глаза были такими же, как у Николая. – Здравствуй, Петр.

– Здравствуй, Николай. – Почтенно ответил Петр, слегка наклонив голову в знак приветствия, после чего они развернулись и пошли по аллее вдоль парка, все дальше уходя оттого места, где совсем недавно был Павел.

– И так всегда, – задумчиво произнес Петр, – каждый раз одно и то же. Все это так грустно.

Два ангела удалялись прочь, тихо продолжая свою беседу, забыв про очередную человеческую душу, которой был дан еще один шанс на спасение...

...Жена Павла Орловского второй день дежурила в палате интенсивной терапии, ожидая, что муж придет в себя и очнется после несчастного случая в метрополитене, когда он упал на рельсы прямо перед поездом. Спасатели сказали, что ему еще повезло, он остался жив и целы конечности, но пошел второй день пребывания в больнице, а он так и не пришел в себя.

Жена не отходила от постели мужа все это время: в таких случаях посещение больных разрешается круглосуточно.

Когда Павел пришел в себя, она была рядом.

Проваливаясь в небытие, он вспомнил, что пожелал увидеть родных, подумав, что ангел обманул его, он попытался открыть глаза – с третьей попытки это получилось. Он увидел свою жену, измотанную и растрепанную, но он был рад увидеть ее. Она смотрела в его глаза сквозь слезы, что-то говорила, но Павел не разбирал слов, он сам не мог произнести ни слова, мешала интубационная трубка для искусственной вентиляции легких. Он попытался улыбнуться жене, и у него это почти получилось. Она наклонилась к нему вперед и поцеловала его в уголок глаза. Павел моргнул, из уголков глаз побежали слезы, он закрыл глаза в последний раз, мысленно произнося слова благодарности ангелу Николаю, и умер...

В момент смерти Павла Орловского в этой же больнице, только в другом корпусе, родился мальчик весом 3 килограмма 350 граммов, ростом 51 см. – в мир пришла еще одна душа...

Бессонница

Каждую ночь ложится в постель, вертится с боку на бок, злится на себя за то, что не может заснуть. Злится на без умолку лающих во дворе собак. Они и мне право поднадоели, но я-то могу и днем отоспаться. Потом вся раздраженная встанет, свет включит, возьмет книжку почитать. А я лежу рядом в ногах, будто сплю, ничего не замечаю, а сам-то глазом одним наблюдаю. Дай, думаю, гляну, что хоть читает. "Как избавиться от бессонницы?" Почитает, почитает, смотрю, а все равно не спит. И все на часы поглядывает - уж вставать скоро. Идет на кухню, пилюлю какую-то выпить, а я за ней. Думаю, ну не оставлю же ее. Вы не подумайте, я не шпион какой. Видимо судьба у меня такая. В квартиру-то эту я случайно попал, на улице она меня подобрала. А теперь что?! Я не жалею! Всегда накормит, напоит, погладит, а я в ответ мурлыкну раз другой - хозяйка и рада.

Но тут, смотрю, дело совсем плохо. Уселась на кухне и давай реветь. Чего сопли распустила?! Я уж к ней и так, и эдак, - будто не замечает меня. Гляжу, глазенки вытерла и меня как хватить на руки! Я аж всей своей кошачьей душой испугался.

- Ну что, Тимоха?! - говорит мне. - Пойдем спать!

Думаю, теперь-то уж точно заснет: и наревелась, глаза вон какие красные, и пилюлю свою снотворную выпила.

Смотрю, и правда через несколько минут заснула. А я и думаю, что же такого случилось у хозяйки, что и плачет, и сон пропал?! Глядь я на часы... Батюшки! Да ведь уж скоро эти петухи механические закукарекают. А хозяйка спит, да так славно! Смотрю на нее и будто даже счастливая. Ну, думаю, надо выключать часы эти! Смахнул тихонько на пол с тумбы и сразу шмыг подальше, чтобы не заметила. Хитренько так выглядываю, смотрю, спит хозяйка. А эти часы проклятые тик-тик да тик-тик.

Уж как я грыз их! Позавидовал бы любой тигр. Правда зубов своих чуть не лишился. Зубы-то у меня плохенькие, по наследству от матери передалось. Но разделался я с часами на загляденье. Не тикают больше. Ну, думаю, пойду и я куда-нибудь запрячусь спать. Ведь потом не объяснишь, когда хозяйка проснется, что я только с благими намерениями часы-то эти так... выключил...

Вспомнив популярный молодёжный прикольный, набросал я тут лирическую притчу.

БОЖЬЯ SMS-ка

Однажды Бог дал указание своим службам прекратить морочить головы людям всякого рода вещами, приметами и знаменами и перейти на оперативную мобильную связь. И вот с небес ушла на грешную землю первая смска.

Смерть (19.20): Я приду завтра в 10 часов. Приготовься, несчастный! Smile злорадная улыбка

Поскольку дело уже было передано в приёмный покой Небесной Канцелярии, ответ поступил непосредственно Апостолу Пётру:

Лёха: (19.21): Блин, Олька, ты чё, ваще? Смени ник!

Апостол, оторопел от неожиданности, и настучал на клавише:

Пётр: (19.23): Окстись, отрок! Тебя завтра собьёт машина! Молись о спасении своей ничтожной души! Smile хук....

Ответ был мгновенным.

Лёха: (19.24): Щас! Разбежался!

Пётр: (19.25): Не брыкайся! Я уже приготовил тебе интересное место. Прощайся со своей зазубой Ольгой! Ха-хах!

Лёха: (19.26): Петяй, ты чё колбасишься? Ты из-за Ольки? Да забери чумичку, если тебе так нада! Smile кукиш

Апостол Пётр в бешенстве направил ещё две смски, типа, «как ты отзываешься о женщине, бревно!», «как ты смеешь взамен себя предлагать невинную девицу!» В ответ посыпались смски, содержание которых остаётся неизвестным!

- Господи Боже, - вскричал в отчаянии Апостол Пётр! – Что за наказание ты придумал! Бог тут как тут.

- Чего вопиешь, как иерихонская труба? Сколько говорили тебе, не шуми на небесах! Тут тебе не государственная дума!

- Как же не вопить мне, - ответил устыженный Пётр. – Они теперь и умирать не рады! Ворота ада уже ржавеют!

- Не заржавеют, - сказал Бог и взял в руки распечатку.

Внимательно изучив переписку, Бог решил самолично обратиться к хозяину злосчастного мобильника.

Бог: (19.45): Милый мой человек! Я люблю тебя своей божьей любовью! Что подделаешь, судьбой нам предопределено встретиться и слиться в любви и радости. Не противься, я лично обещаю тебе место в раю. Тебе понравится, клянусь моими небесами! Smile вечное сияние

Хозяева небес прильнули к монитору.

Но ответа не было.

Лишь через несколько часов, когда напряжение достигло апогея и небо готово было разразиться громом и молнией, на мониторе заплясали редкие в этих местах слова:

Лёха (22.45): Олька! Блин! Люблю! Но кольца, слышь, купишь сама! Встречаемся завтра на первой ступеньке загса! И смени, пожалста, ник! Smile жесьть....

...Поздно ночью Бог разжег плиту в своей каморке и достал из сундука книгу судеб. Открыв страничку с заголовком Лёха, он долго что-то стирал там ластиком, кропотливо вписывал, вздыхая и кряхтя, потом всё зачеркнул и написал размашисто на весь лист: «Бог с ним! Пусть живёт себе Лёха и здравствует!» Подумав, добавил: «Но только в слиянии с Ольгой!»

И лёг спать с чувством исполненного долга.

...Господь Бог спал, как ребёнок, безмятежно и крепко. В устах его светилась улыбка, которая с земли казалась маленькой звёздочкой, но лучи её – божьи смски - проникали во все спящие дома.

Smile нежная улыбка всем.)

Надежда Мальцева

Для кого закон?

Если дуракам закон неписан, значит он написан для тех, кто с умом.

Лэйла

Бытовой триллер

На столе лежали ложки, отрастили ложноножки, дотянулись до земли и тихонько по-полз-лии...

ЧАИНКИ

Посмотрев, как первый пытается зачерпнуть чайной ложкой чайнку, упавшую в сахар, второй спросил:

– А вы также не любите чайнки в сахаре? – И добавил: – Бррр, – передернув плечами, – мне кажется, что это маленькие мертвые черные тараканы... и я их вместе с сахаром могу проглотить...

– А почему именно мертвые?

– Ясное дело, чайнки ж то не шевелятся.

– А если бы они, то есть чайнки, шевелились?

– То ясное дело, стопудово, это маленькие тараканы или какие-то другие жучки...

– А вы можете отличить жучков от тараканов?

– Зачем мне это надо, я ж не зоофил, образования по насекомым соответствующего не имею. Хотя червяка от таракана или жучка отличу...

– У вас был опыт?

– Так дело не в этом. Червяк он ведь белый...

– А красные?

– Что красные?

– Червяки...

– Они что, бывают еще и красные?!?! Как кровь?

– Еще и черные бывают.

– Вы что хотите сказать, что я чайнки от червяка не отличу?! Или жучков и тараканов от червяков?!

– Нет, я такого не говорил. Первый заинтересовано посмотрел на второго, – а вот вы представьте на секундочку, наоборот, не в сахаре, а в чайнках черные мелкие червячки.

– Бррр. Фу.

– Ну и?

– Представил. Мерзость. Фу. Бррр... подавляя рвотный рефлекс.

– Нет, ну вы отличите?

– Ну как сказать, а какой чай, черный или зеленый?

– Черный конечно.

– Ну если в черном... тогда... ну не знаю, надо как-нибудь проверить. В зеленом точно выявлю.

– А если зеленый крупнолистный? И под большими листьями не видно?

– Я об этом как-то не задумывался.

– А вы задумайтесь.

– Зачем?

– Не зачем, а над чем.

– Над чем?

– Над тем, почему я не могу вас взять на должность юриста-консультанта.

– Так вы меня не берете?

– К сожалению, молодой человек должен вам отказать, но Вашего папу я очень уважаю и папе большой привет.

– Жаль. Да, вот дела. Уходя, – А чай допить можно?..

Пока первый пил чай, директор юридической конторы подумал: – Нет, ну это абзац ... Таких болванов я еще не видел. Нет, может где-то и видел... по телевизору... но таких, да

еще у себя в кабинете, да еще на работу... юристом... Исключено!!! – Но ведь он же ж сын замминистра... И ни какого-нибудь там министра образования или обороны, а замминистра МВД. – И что я ему скажу? – Извините Павел Тимофеевич, но Вашего сына я взять не могу, по причине... по причине... ну нет никакой причины, потому что он даун!! Полный шизоид!! Идиот!!! Жучки ему мерещатся... в чайниках. Нет, так не пойдет. Надо будет как-то съехать. Сказать, что, к сожалению, вакантных мест нет... блин, какой бред. Сказать такое замминистру. Он же поймет, что это съезд. Типичный съезд. – А мне плевать – не могу же я брать на работу слабоумных. Репутации будет хана. И как к этому отнесутся мои ведущие юристы. Они и так клячат о повышении... А я им, извините, сейчас тяжелые времена, повысить не могу. И беру этого красавца... на ставку. Ей Богу уйдут, или их переманят. Вон Гринзбурги давно облизываются. Не раз подкатывали за моей спиной... А может сказать: «Павел Тимофеевич, мол, неопытен еще, ему бы годик другой поработать на государственной службе, у Вас в милиции, поднабраться так сказать... поднатореть...» – блин, мозгов ему поднабраться. А где он их возьмет, коли их если нет отродясь, то уже и не будет. Нет, если бы отец хотел бы, чтобы сын служил, он бы давно его туда определил. Там они все такие – как на подбор. С ними дядька, просто дурдом какой-то... а отказывать ведь нельзя. Он же ж прикрыл мою налоговую проверку. А там если бы копнули глубже – тюрьма. Ей Богу – тюрьма. Конечно не для меня, а для бухгалтера. А я ее лишиться не могу, во-первых – хорошо работает, мало получает и самое главное – моя жена. И проверку этот замминистра как закрыл, так и новую направит. И не одну. И кранты. Моей жене. Наверное... А скорее, что мне. Она ж, гадина, молчать не будет. Меня потащит будь здоров. И вообще на меня все свалит. Суд учтет – двое детей, была под нажимом, женщина... все такое – и отпустит. А меня засадят. Судить то кого-то надо... А судьи кто? Судьи ж то все – бабы. Тут можно сказать ворон ворону глаз не выклюнет. Эта их женская солидарность. И кранты, Сереженька, кранты. Ты думаешь, она тебе передачи будет носить? Щаз, разбежалась. На ней же 30% акций компании. А как я сяду, и мои 70 к ней перейдут. Да и квартира с машиной на ней. И что, вышел, отсидел свои положенные, ну сколько там дадут, ну три, ну пять. И вышел гол как сокол. Ни дать ни взять. С чего начинал – тем и кончил. Аффигеть перспективочка. Нет, надо брать. Месячок-другой поработает, бумажки поперекладывает. И сам уйдет. Я ему такие дела подсуну, всяких плачущих, сумасбродных, сумасшедших бабулек. Которые на государство в суд подают. Они кстати друг друга и найдут – бабульки и этот юрист новоиспеченный. Он через месяц на остановках от каждой бабульки будет шарaxаться в сторону. А своим придется добавить. Немного конечно. Зато урежу бесплатные обеды. В принципе, так на так выйду. Все решено... как говорится из двух зол...

– Ну что ж молодой человек, я тут подумал и решил, что, возможно, можно будет попробовать оставить вас на испытательный срок. Скажем – на два месяца. Зарплата, сами понимаете, будет небольшая. Но там... с годами... будет только увеличиваться...

– А я вот тоже подумал.

– Над чем же ж?

– Ну над тем, что вы говорили. Возможно ли найти в зеленом крупнолистном чае червяков.

– И...?!

– Я понял, что возможно. Они ведь крутятся, эти червяки. Правда ведь? И если они крутятся, то и листы, что на них лежат, тоже будут крутиться. Верно ведь? И тогда это будет заметно. Невооруженным взглядом. Верно ведь?

– Да, то есть нет. Нет, вы знаете, все-таки Вы нам определенно не подходите. Извините. И Спаси нас Господи, – сказал директор фирмы и ушел из офиса бухать в гастроном...

– Алло, ну что?

– Не взяли.
 – Как не взяли?!
 – Ну так, не взяли и все. Просто попили чаю... и все.
 – И что он сказал?!
 – Сказал, что вакансий нет и папе привет.
 – Что?! Что он сказал?!
 – Сказал: «вакансий нет – папе привет».
 – Так и сказал?!
 – Да.
 – А ты говорил... называл свою фамилию?!
 – Ну да, я еще, как ты мне сказал, в резюме указал, что я сын замминистра МВД.
 – Сейчас я ему наберу!
 – Не надо, он ушел из офиса. Я его в гастрономе видел. Он там водку себе заказал.
 – Да?..
 – Ну что пап, когда мне за ключами ехать.
 – За какими ключами?
 – От БМВ, ты ж проспорил... Сам сказал, что если не устроишь в «Красавкин и Ко.», тогда отдашь мне БМВ.
 – Не надо, отец все помнит. Отец слово дал – отец слово забрал. На то он и отец, чтоб воспитывать. Поездишь пока на «Мазде»...
 – Пап, ну что я один как «лошара»! Вон Макс у отца «Бентли» купил. А Гойсман уже третье «Феррари» меняет. А они, кстати, твои подчиненные...
 – Подожди, он через неделю сам к тебе прибежит и будет просить взять тебя к нему учредителем... Я ему устрою «папе привет»...
 – Пап, это ж через неделю, а у нас с тобой уговор был с сегодня на сегодня.
 – Хорошо ладно, сейчас Гринзбургам позвоню, считай, с сегодняшнего дня ты у них работаешь, и ладно, сделаю тебе подарок, какой там ближайший праздник?
 – 8 марта.
 – Хорошо, а день недели?
 – Понедельник.
 – Хорошо, считай, что я тебе сделал подарок в праздник... в понедельник. Приезжай за ключами.
 – Пап у меня еще одна просьба, а сининькие номера можно себе оставить?
 – Ах, дети, дети, – подумал Павел Тимофеевич, куда ж тут от них деться. И с ними хорошо, и без них хорошо, но с ними же лучше... – и сказал сыну: – Хорошо...

Голос из неоткуда

Иван был обычным человеком, но не внешне, а внутренне - критиковал всех, кто занимал более высокое положение, считая, что знает больше них, ни во что не верил (ни в Бога, ни в людей, ни даже в себя). А зачем вообще во что-то верить? Какая от этого выгода, рассуждал он. Иван был настолько циничен, что продал бы свою душу, если кто-нибудь предложил бы ему такую сделку. Ведь что для него душа - эфемерное понятие, от которого нет никакой реальной пользы.

В понедельник утром он, как обычно, рано проснулся и, не завтракая, отправился на работу. Спустившись в теплое метро, Иван дошел до середины платформы и стал ждать следующего поезда. На станции было очень тихо и безлюдно, наверное, потому что она была конечной. Где-то в конце платформы раздался звон бьющегося стекла - очнулся местный бомж. Усмехнувшись, Иван снова стал всматриваться в темноту тоннеля - по времени поезд должен был вот-вот появиться. Вдруг у него над ухом что-то зашуршало, а затем он услышал мягкий голос:

- Почему ты стоишь здесь один? - Иван резко обернулся, но сзади никого не было. Только на лестнице милиционер пытался утихомирить разбушевавшегося нищего. Хорошенько осмотревшись, он тряхнул головой - было бы неплохо взять выходной. Иван снова взглянул на часы - где же поезд? В эту секунду над головой снова зазвучал чей-то голос:

- Почему ты стоишь так далеко от края платформы? Подойди поближе. Или ты боишься? - Иван, сам не понимая почему, мысленно ответил: "Ничего я не боюсь", - и сделал два больших шага по направлению к краю.

- А ты когда-нибудь видел рельсы? - спросил голос. - Наклонись, рассмотри получше.

Иван слегка наклонил голову вниз и уставился на темное полотно дороги.

- Так ты ничего не разглядишь! Наклонись ниже, - советовал голос.

Иван послушно согнулся и стал разглядывать пути. Тем временем сбоку подул холодный ветер и в глубине тоннеля замерцал свет. Но шум приближающегося поезда на этот раз звучал для него как призывный зов медных труб.

- Ты когда-нибудь спускался вниз? К рельсам? - интересовался приятный голос. - Давай, прыгни вниз!

Иван хотел по привычке обдумать это предложение, но его мысли словно сковал холод, и так захотелось повиноваться этому голосу.

- Давай, прыгай, - сказал голос, смеясь.

Иван взмахнул руками, как учили в школе, и полетел вперед.

- Он выпрыгнул из-за колонны. Я среагировал, но было слишком поздно. Он уже лежал на рельсах. - Бледный водитель, жестикулируя руками, давал показания следователю.

Хроника одного задержания, или история с продолжением

Случилось это ровно 50 лет тому назад. Был конец июля 1959 года.

Как и везде на Государственной границе СССР, очередные пограничные сутки на одной из застав советско-чехословацкой границы начались на Боевом расчете в 20 часов. С этого момента каждый на заставе точно знал, в какой наряд ему предстоит заступить в эти 24 часа, кто будет его напарником, во сколько выходить на службу и когда возвращаться домой — на заставу. Но одно всегда и для всех оставалось неизвестным — никто заранее не ведал, что может произойти в наряде. Будет он обычным и обыденным, или может оказаться таким, что запомнится на все жизнь.

В 22.00 перед начальником заставы для получения Боевого приказа стояли два молодых парня — дагестанец ефрейтор Гаджи Гаджиев и мл. сержант москвич Виктор Васильев. Гаджиев на этой заставе дослуживал уже третий год, а Васильев поступил лишь три месяца назад. Почти два года до этого он, как часто выражаются, «топтал фланги» в суровой и морозной Карелии.

«Товарищ капитан! Пограничный наряд в составе ефрейтора Гаджиева и мл. сержанта Васильева прибыл для получения Приказа на охрану Государственной границы СССР. Старший наряда ефрейтор Гаджиев!»

Приказ получен. Наряд отправлялся «часовым границы» в район «центра».

Участок, доверенный под охрану наряду Гаджиев-Васильев, — «центр» — находился в долине реки. Здесь сходились левый и правый фланги заставы, которые именно отсюда своими дозорными тропами все выше и выше змеились в горы — до высоты 950 метров справа и 600 — слева. Хотя местные жители именовали эту долину «урочищем», в районе «центра» она была довольно широкой — более 500 метров. И лишь ближе к границе ее все больше и больше теснили склоны гор. Две дороги, шедшие по обеим сторонам реки после «центра», сближались на расстояние около 50 метров и дальше, как бы продираясь сквозь заросли прибрежного кустарника, уходили в Чехословакию. Справа от реки открывался вначале довольно ровный подъем на правый фланг (гора Дромадер-600м.), слева начинался крутой подъем на левый фланг, на гору Атос. Здесь в самом начале подъема, в полутора сотне метров от реки, стояла старая, еще деревянная, вышка, каких сегодня уже нигде не встретишь. На ней в дневное время дежурил «часовой границы» этого участка. Охраняемый участок от вышки до подъема на Дромадер был длиной, как уже упоминалось, не более пятисот-семисот метров, но местность была довольно сложной — река в этом месте делала большую петлю, лишь в границах которой была хорошо просматриваемая поляна, со всех сторон обрамленная молодым буковым лесом, а вдоль реки были заросли кустарника, да и дороги за этой открытой поляной прятались в перелесках и изгибах горного рельефа. Т.е. контролировалась только открытая поляна, все остальное практически не просматривалось даже в дневное время. Правда, для того чтобы добраться до КСП, нужно в любом случае пересечь этот участок открытой местности. Тем не менее, если нарушитель задумал бы пересечь границу в этом районе — лучшего места ему бы не найти: две дороги, река, сложный рельеф.

Погода весь день была настоящей летней и солнечной. А вот к концу дня испортилась — зарядил мелкий моросящий и, похоже, не по летнему затяжной, хотя по летнему теплый дождь. Пришлось надевать длиннополые парусиновые плащи, которые не очень были удобны для «дозора», зато весьма практичны для «часового границы».

Добравшись до участка, сразу прошлись вдоль КСП от Дромадера до вышки на Атосе, осветили заграждение из колючки, перекрывающее реку и ее берега, скрытно вернулись назад. Прячась от всепроникающего и нудного дождя, они поудобнее разместились прямо на тропинке подъема на Дромадер, откуда хорошо прослушивалась вся долина. Присели на бревно, прикрыв колени полами плаща, так чтобы вода, стекая с него, не попадала в сапоги. Плащи хорошо спасали от дождя, было даже очень уютно. Мелкий дождь еле шелестел по кустам, было безветренно и поэтому, если не считать этого шелеста, можно утверждать, что тишина была абсолютная — деревья смиренно опустили потяжелевшие от дождя листья, и посему они уже не могли издавать никаких звуков даже при игривых порывах ветра. Неожиданно эту шелестящую тишину нарушили какие-то легкие шлепки, приближающиеся откуда-то со спуска — как будто прыгала лягушка, но только очень больших размеров. Казалось, что с горы на ребят что-то катится. Катится легко и мягко, слегка подпрыгивая, не создавая никакого шума, не считая этих специфических шлепков от мокрого грунта. Как катится, к примеру, мяч, подпрыгивая по мокрому футбольному полю. Они замерли в напряженном вслушивании и всматривании. Но ночь была столь темна, что разглядеть что-то было невозможно на расстоянии даже двух-трех метров. Выдавать себя светом фонаря было бы самой большой глупостью — не для того они здесь притаились! И в этот момент что-то мягко утыкается Васильеву в то место, которое литературно называется «пах». Именно уткнулось, а не ударило, но от неожиданности бедняга моментально схватился за это самое сухое место, которое было сейчас во всей местности. И в этом самом сухом месте он почувствовал под рукой что-то мокрое, но теплое. Прекратились шлепки ...и тишина. Только шелестение дождя. Парень онемел от неожиданности такого ощущения, в испуге оторвав руки от этой теплой мокрой... И в тот же самый момент из-под его полы выскакивает заяц. Бедолага, спасаясь от дождя, отыскал себе сухое местечко, но, наверное, обезумев от такой встречи, кубарем рванул дальше. И опять стали раздаваться, уже удаляясь, теперь понятные им шлепки.

— Что же ты его плащом не накрыл? Или, хотя бы, за уши! — долго потешался Гаджиев. — А что, если это какой-нибудь нарушитель проверяет, где мы тут с тобой притаились. Пустил зайца для проверки. Вот ты нас и выдал. Теперь пойдет в обход.

— Типун тебе на язык, — огрызнулся Васильев. — Накличешь еще! Нарушитель! Так весело началась их, как окажется, действительно не очень скучная ночь.

Человек под видом туриста пересек всю Польшу. Легкая спортивная куртка, небольшой рюкзачок, да суковатый дубовый посох, тщательно выбранный им еще где-то в Альпах — все это создавало облик пешего странника. И вот человек подходил к польско-чехословацко-советской границе. Здесь, в месте так называемого «польского выступа», переходить ее было рискованно — горный массив малолюднен и трудно проходим. Поэтому самый удобный вариант — оказаться на советской территории, перейдя чехословацко-советскую границу. Там горы расступаются, местность более заселенная. Да и на советской территории близко от границы проходит шоссейная и железная дороги. До ближайшей дороги от границы далеко. Поэтому нужно выходить на чехословацкую территорию, перейдя польско-чешскую границу. Пересечь ее было столь же просто, как перейти через обычную проселочную дорогу. Он прекрасно знал, что чешские и польские пограничники ходят только днем, никаких технических средств на границе ни с той ни с другой стороны нет. Поэтому чувствовал себя спокойно. Сложнее было пройти незамеченным по территории Чехословакии несколько десятков километров. Человек прекрасно понимал, что легкость пересечения польско-чешской границы не сулит ему такого же легкого перемещения по территории Чехословакии. Он был хорошо осведомлен, что граница охраняется чехами за счет хорошей связи с местным населением. Если кто-нибудь из местных жителей замечает незнакомца, то об этом тут же становится известно пограничникам. Он был прекрасно осведомлен, что здесь давно существует порядок — за доноительство местный житель на первый раз будет иметь большие неприятности, а при повторении подлежит высылке с приграничной

зоны, прихватив с собой лишь то, что может унести в руках. Вот почему, оказавшись на чешской стороне, он больше всего боялся встречи с местными жителями. А это значит, что перемещаться можно только в ночное время.

Первая ночь была уже позади, и позади осталось больше 20 км трудной горной местности Чехословакии. До намеченной долины оставалось несколько километров. Наступало утро – из-под белого океана туч, сквозь которые пробивались островки — вершины самых высоких гор, стали просачиваться первые розоватые тона восходящего солнца. А вот оно и само как бы всплыло огромным красным шаром из серой купели облаков. Это вставал новый день. Человеку осталось только спуститься вниз — и цель достигнута – впереди внизу лежала довольно открытая местность, вдали внизу виднелось большое словацкое село. Но идти дальше было уже нельзя, – крестьяне рано встают и выходят на поля. Вероятность встречи с ними в это время очень велика. Пора размещаться на отдых. Тем более, что место само располагало к этому — видно недавно закончился покос, и по всей полонине стояли аккуратные копны свежего сена. Лучшего места для отдыха не придумать. Он долго осматривал и прощупывал чуть ли не каждую копну, пока не нашел, как ему казалось, самое сухое сено. Только успел человек зарыться поглубже в это сухое, с дурманившим ароматом сено и не успел еще даже задремать, как услышал приближающиеся голоса — шли двое мужчин, две женщины и несколько детей. Они расположились в небольшом отдалении от нашего незнакомца и... стали проворно разбрасывать копны — восход предвещал хороший солнечный день, и сено разбрасывалось на досушку.

«Это провал!» – только и успело мелькнуть в голове человека, когда двое мужчин были уже около его копны. Слегка разворошив верхушку, один из них сказал:

– Здесь сено сухое, оставим его напоследок. У нас еще много других с последнего покоса. Да и какой еще день выдастся неизвестно. Вот и облака что-то не собираются разбегаться. Вдруг придется опять срочно все копнить. Можем и не успеть.

С тем и отошли.

– «Неужто пронесло?» – полегчало на душе странника. – «Не зря ведь я выбирал копну посуше, чтобы уютнее было. А оказывается, в этом было и мое спасение.

От резкого спада напряжения, бессонной ночи и трудного пути, он быстро отключился и погрузился в глубокий сон. Проснулся от легкого шелеста — шел довольно сильный дождь, все кругом посерело, и ничего уже не напоминало о солнечном утре. Дождь видно начался давно, потому что все сено было уже опять собрано в копны, и полонина была безлюдна.

Часы показывали 6 часов вечера. До Боевого расчета на пограничных заставах СССР оставалось 2 часа.

Крепким и долгим был сон перед последним броском. Но до ночи еще долго. Можно спокойно отдыхать дальше – отдыха много не бывает, тем более, что самое трудное еще впереди. И вот начало смеркаться. Это уже почти 10 часов вечера.

«Товарищ капитан! Пограничный наряд в составе ефрейтора Гаджиева и мл. сержанта Васильева прибыл для получения Приказа на охрану Государственной границы СССР. Старший наряда ефрейтор Гаджиев!»

Сумерки быстро превратились в ночь. Сильный дождь уже кончился, но теперь он сменился мелким и морозящим. Но для человека, привычного к непогоде, он был неощутим. Итак, в путь.

Вот человек спустился в долину и сразу почувствовал, именно почувствовал, а не услышал где-то вблизи журчание воды. Ее слабое журчание на перекатах почти сливалось с шорохами капель дождя. Но он понял — это река. А вот и дорога. Теперь идти можно, по крайней мере до линии границы уже ничего не опасаясь. Местные жители в это время вблизи

границы не появляются, до ближайшего селения более 3-х километров. Но все равно, лучше передвигаться по обочине дороги вдоль зарослей приречного кустарника — это гарантирует от любых неожиданностей. И хотя ночь уже окутала своим покрывалом всю прилегающую местность, а мелкий дождь усиливал невидимость, все равно нужно быть очень осторожным. Общеизвестно, что на советской стороне пограничники несут охрану круглые сутки. Возможен и секрет на этом направлении, тем более, что уже стали применяться приборы ночного видения. Осторожно, неслышно и невидимо незнакомец добрался до линии границы. И только, когда он почти наткнулся на шлагбаум, перекрывающий дорогу, до него дошло, что уже несколько метров он прошел по советской территории. Вот теперь нужна предельная осторожность. Идти приходится краем леса, мокрые ветки нещадно стегают по лицу, корни и старые коряги ставят подножки — только бы не упасть и не наделать шума, только бы не сопровождать движение треском веток. Казалось, сама природа ставила препоны и подножки незваному гостю. Но он к этому был давно готов, хорошо тренирован и привычен к таким условиям, поэтому двигался осторожно и неслышно, как лесной зверь.

Продвигаясь в таком темпе, он не представлял, сколько уже прошел, когда горы наконец расступились и перед ними открылась довольно широкая долина, река ушла куда-то влево, а он оказался на большой поляне: кромка леса, вдоль которого он двигался, резко ушла вправо. Там просматривались очертания довольно крутого подъема в гору.

– «Нет, в гору мне не нужно, мне нужно пройти долиной», – почти лихорадочно, но хладнокровно работала мысль. «Теперь необходимо каким-то образом пересечь поляну. Это хорошо, что моросит дождь и ночь черна — издали меня никто не обнаружит».

Но одновременно и плохо, потому что приходится напряженно осматривать, если это можно так назвать, землю, прежде чем сделать очередной шаг. Осматривать, скорее приходилось ногами, чем глазами. И лишь когда его что-то смущало, он, пригибаясь к земле, пытался разглядеть это глазами.

– Где-то здесь может проходить вспаханная контрольно-следовая полоса.

Итак, он вынужден был передвигаться медленно, полусогнувшись, пристально оглядывая очередной метр-два местности.

– Пока под ногами травяной покров. Значит еще не КСП, значит можно уверенно наступать... – эта мысль повторялась в его сознании при каждом очередном шаге.

И после очередного такого шага вдруг рядом с ним, всего лишь в нескольких метрах, раздался ружейный выстрел. От неожиданности он на какой-то момент замирает и даже приседает, как бы увертываясь от предполагаемой пули, хотя хладнокровие не покидает его.

– Пусть стреляют еще раз, бежать уже бессмысленно.

Проходит время, он, хладнокровно подчинившись судьбе, ждет выстрелов или окрика пограничников. Но ни того, ни другого не последовало. Только дождь все с той же назойливостью продолжал шуршать по листве прятавшего его до этого леса. Тишина стояла в долине.

– Что это было? – анализировал его мозг, – если это какая-то система сигнализации, то почему никто не реагирует? Вероятно, на этом участке никого нет. А если это так, то можно двигаться вперед. Только более осторожно.

Постояв в таких раздумьях несколько секунд, он медленно продолжил свое продвижение. И ничто больше не нарушало тишины. Еще несколько шагов вперед. Все нормально, все тихо. И вот после еще нескольких таких же осторожных шагов... раздается очередной выстрел в такой же близости от него, как и первый. Он замирает уже без того хладнокровия, которое владело им первый раз. Но паники пока нет. Нужно хладнокровно осмыслить, что это такое?

Запаниковал он через несколько секунд, когда сначала услышал топот солдатских сапог где-то еще далеко, потом увидел рыскающий свет фонаря, быстро приближающегося с противоположного склона. Похоже, его и этот фонарь разделяли 300-400 метров. Значит, есть еще время для отступления. И он отходит к спасительному лесу.

Гаджиев с Васильевым долго подкалывали друг друга по поводу упущенного зайца — «Какое жаркое упустили!».

В долине стояла тишина.

Только дождь шелестел в листьях букового леса. Настало время очередного обхода участка. Тихо спустились в долину, перешли через реку — очень приятно постоять на подвесном мостике, слегка покачиваясь и слушая, как звуки речных перекаатов переговариваются с шепотом моросящего дождя, да слегка поскрипывают тросы мостика. И сколько не всматривайся, все равно ничего не увидишь, кроме темных контуров склонов гор на фоне темного же неба. А вот прослушать все нужно.

Но тихо в долине.

Только разговор дождя с рекой.

Вот впереди огромная поляна. Самое плохое место всего участка. Там по всей поляне поставлены растяжки. Обязательно в течение ночи то заяц пробежит, то олень (в этом месте водились очень красивые пятнистые олени). Бывает, что и кабаны забредают. Ни одна ночь не бывает спокойной.

В то время граница была еще недостаточно сильно оснащена техническими средствами — самым надежным было КСП, проходящее по всему участку. Это в последние годы вдоль всей границы созданы великолепные насыпные КСП. В те годы КСП представляло собой перепаханную на заставских лошадях полосу естественного грунта. Попадались камни, крупные глыбы грунта, дожди постоянно уплотняли полосу — не будешь же ее перепаживать каждую неделю! А еще вдоль всей КСП шел самодельный частокол. Заборы из колючей проволоки и системы были большой роскошью, и на данном участке их еще не было. Поэтому наиболее сложные участки связисты-умельцы перекрывали самодельными устройствами — в частности, растяжками с холостыми патронами. Провод протягивался на уровне травы и был незаметен даже днем. Когда днем срабатывал патрон, то часовой с вышки мог видеть место сработки и принимать соответствующее решение — то ли заяц пробежал, то ли ветка упала. Иное дело ночью, когда ориентироваться можно было только по звуку. Поначалу, проклиная умелых связистов, бегали по каждой сработке, проверяли причину. Но потом осознали бессмысленность такого метода — стали ставить несколько эшелонов растяжек, расположенных в шахматном порядке. И проверять стали лишь в том случае, когда было 2-3 срабатывания подряд. Потому что одиночных за ночь было по несколько сработок. Наутро связисты шли «перезаряжать» сработавшие растяжки.

Сегодня, на удивление, пока все было спокойно, хотя прошло уже около 5-ти часов их дежурства. Похоже, что в плохую дождливую погоду даже дикие звери не получают удовольствия от ночных прогулок.

Поднявшись до вышки, наряд включил ФАСовский фонарь и двинулся в обратном направлении — еще раз тщательно проверили КСП. Опять добрались до своего укромного «заячьего места». Новый привал. Медленно движется время. Тихо шелестит дождь.

И вот происходит то, чего надеялись избежать в эту ночь — срабатывает растяжка на противоположном берегу реки

– Все-таки какая то зверюга вышла погулять, – раздосадовано вырвалось у Гаджиева. - С рассветом проверим, дадим заявку связистам.

И опять нужно слушать тишину.

– Сейчас будет вторая сработка, если заяц не вернулся с перепугу назад. А если это был кабан, то будет целая очередь сработок — порвет все растяжки на своем пути. Этого гада ничем не испугаешь! - соглашается с ним напарник. – Будет завтра работа связистам.

Снова все тихо. Дождь, кажется, перестал шелестеть листьями буков. – Он, конечно, не перестал, просто мозг в этот момент напряженного вслушивания сам игнорировал и отсеивал все эти ставшие уже обычными шумы.

– Нет, тишина! Видно косой с перепугу рванул обратно в сухое место.

Снова начали располагаться в своем укромном насиженном месте. Рано обрадовались! В это время раздается очередной хлопок и почти в том же месте.

– Что это, Викторка? – в голосе Гаджиева почувствовалась тревога. В темноте, кажется, даже лицо его побледнело. – Почему был такой интервал, я с таким еще не сталкивался!

– Да, Гаджи, накаркал ты на нашу голову. Предупреждал я тебя, что глупые у тебя шутки! Кажись, это не дикий зверь. Это может быть даже двуногий!

В какую-то минуту ребята смотрят друг на друга, как бы взглядом убеждая друг друга, что ситуация необычная. Потом без всякой команды одновременно срываются с места, на ходу сбрасывая плащи, которые теперь уже становятся помехой в движении. Они сами слышат топот собственных сапог и удары сердца и кажется им, что всем этим топотом заполнилась вся долина.

– Виктор, врубай фонарь. Все равно нас слышно за километр. А то мы в темноте еще и свои кости переломаем.

На бегу освещая КСП, парни добежали до злополучной поляны. Встали. Теперь они слышат только стук собственных сердец. Сбившееся на бегу дыхание тоже мешает слушать местность. Фонарем, как прожектором, осветили поляну. В пределах видимости никого нет. Даже дождь перестал, только по опушке леса стелилось что-то типа легкого тумана. Искать места сработок было ночью бесполезно, главное – нужно срочно проверить местность и КСП. Пошли от самой дороги вдоль по кромке леса. Просвечивали сквозь кустарник, но луч фонаря пробивал лишь несколько метров и терялся в ветвях и тумане. Никого. И полная тишина. Даже дождь уже не шелестел в ветвях кустарника.

– Что будем делать, Викторка? – с надеждой обратился старший наряда к своему коллеге.

Гаджиев был отличный службист, но он никогда не попадал во внештатные ситуации. И сейчас он очень надеялся на сообразительность смышленного москвича. В этот момент они находились у кромки леса как раз в створе предполагаемой сработки. Они уже убедились, что КСП не нарушено, соответственно, нарушения государственной границы не зафиксировано, а на душе все равно было тревожно. Будучи уверенными, что в эту темную ночь они невидимы даже в нескольких метрах, они шепотом, почти на ухо друг другу начали обсуждать варианты.

– Гаджи, предлагаю вариант: я остаюсь на месте и замираю вот в этих кустиках на опушке, ты, с фонарем освещая местность, движешься вверх в сторону вышки. По ходу громко разговаривай, словно ты идешь не один. Я в это время сижу и слушаю местность. Если кто-то есть, то, пользуясь случаем, он попытается уйти лесом, и я сразу услышу шорох. Буду стрелять. В этом случае ты возвращаешься. Если у меня спокойно, то, поднявшись до вышки, ты даешь осветительную ракету, и мы сможем осмотреть всю местность.

– Правильное решение, толковое, – прошептал Гаджи и медленно, разговаривая с умным человеком и освещая местность по ходу движения, двинулся в гору.

Младший наряда остался на месте, как и обговорили, в каком-то метре от ближайших кустов опушки леса. Он никогда ничего не боялся: «когда автомат в руках, чего бояться. В случае чего — от живота веером...» – всегда считал он. А тут вдруг ему стало... нет, не страшно. Стало жутковато. Так жутковато, как было в Карелии, когда он шел по болотам и вдруг в каком-нибудь месте болото из недр своих словно дышало каким то странным жаром. Это было непонятно. И поэтому жутко. Вот такое же чувство обуяло его и здесь. Так и казалось, что нечто или некто наблюдает за тобой. «Что же это я прямо у кустов уселся? – мелькнула вдруг мысль. – Если и вправду кто-то есть, то я даже и среагировать не успею... чтобы “от живота веером”».

Он медленно и бесшумно перемещается на десяток метров от этих неприятных и как бы наблюдающих за ним кустов.

Мог ли он в эти минуты знать, что вся его хитрость и бесшумность контролируется прищельцем, который стоит всего лишь в 2-3 метрах от него, воедино слившись со стволом ближайшего бука.

В это время взрывается осветительная ракета. Вся местность освещена как днем. Видна вся долина. Виктор оглядывает все внизу, Гажди видит все сверху.

Тишина. Никаких движений и шорохов. Да и откуда им взяться, если все перемещения и действия наряда уже давно контролируются прищельцем.

Старший наряда спускается вниз.

– Что-то мы с тобой сегодня немного перебдели, не говоря хуже!.. Ведь сколько сработок за ночь бывает. Нормально же ребята реагируют. Звонят на заставу — ни разу ведь «тревожку» не вызывали по таким случаям. А ты сбил меня с толку, — «зверь это может быть двуногий». Ладно, пойдем звякнем на заставу. Изложишь ситуацию сам.

На заставе тоже информацию восприняли спокойно. Действительно, это рядовая ситуация. А интуицию к делу не пришьешь. Дежурный по заставе сказал:

– Скоро к вам выйдет проверка. Старшина Демьяненко. Ему все покажете на месте, коль такие вы бдительные, мать вашу!

Пришелец замер на опушке леса. Он встал в кустарнике рядом с толстым буком. Вот уже свет фонаря появился на этом берегу реки, вот прошли по КСП. По движениям видно, что спешат и даже взволнованы. И вот они уже на опушке и идут точно по направлению к нему, освещая опушку фонарем. Свет фонаря скользнул по его ногам и прикрывающему его кустарнику. Но, видно, пограницы его не разглядели. А может... Почему они остановились в 5-7 метрах от него и о чем-то перешептываются. Неужели готовятся к захвату? Осторожно переминаясь с ноги на ногу, он плечом упирается в дерево. Обеими руками впился в свой посох, держа в руках свое единственное оружие — добротный охотничий нож. Он готов ко всему. Все нервы и мускулы напряжены. Одна единственная мысль — с какой стороны будут заходить?

«Неужели пронесло?» — он услышал удаляющиеся голоса, точнее пока один голос. Вглядываясь в крошечную тьму, он сумел разглядеть, что второй пограничник остался на месте и сидит на корточках всего в 3-х метрах от него. Вот начал оглядываться по сторонам и чаще смотреть в сторону леса — неужели даже дыхание меня выдает? Замер. Затаил дыхание. Лезвие ножа пытался держать за посохом, чтобы не блеснуло невзначай при очередном освещении фонарем. Неожиданно для него в небо взмывает ракета. Все светло как белым днем. Только кустарник да молоко тумана скрывают прищельца, а он в это время сумел хорошо разглядеть местность. Он увидел, что подъем в гору, куда ушел второй, может быть хорошим убежищем.

Как только пограничники скрылись за рекой, прищелец снимается со своего места, к которому, как ему показалось, он приклеился за эти полчаса. Он углубляется в лес, надеясь, что там его не подстерегают неожиданности, и уже более смело поднимается вверх. Найдя укромное место в кустах, он по-хозяйски наломал лапника с ближайших елей. На них он лег и ими же накрылся. Опасность миновала. Дикое напряжение последнего часа постепенно прошло, организм расслабился, и сон взял свое. К этому времени уже начало светать. Было около 4-х часов утра.

Нужно для дальнейшей безопасности как следует изучить местность и порядок движения нарядов. Дальше рисковать напропалую не стоит.

Доложив на заставу о происшествии и успокоив себя, наряд еще несколько раз проходил и проверял КСП на подозрительном участке. Начало светать, беспокойная ночь походила к концу. Теперь они могли визуальнo просматривать весь охраняемый участок. Около 5 часов утра, когда уже полностью рассвело, снизу от реки они увидели приближающуюся проверку. Их удивило, что старшина Демьяненко — опытный инструктор службы собак, был без своего Пирата. Это еще раз дало возможность устыдиться своей паники.

– Ну, докладывайте, кто Вас тут так напугал? — обратился старшина к Гаждиеву. В голосе его чувствовалось легкое подтрунивание.

Гаджиев, будучи великолепным службистом, обстоятельно рассказал о ночном происшествии, не упустив никаких мелочей. Демьяненко довольно долго размышлял и как бы впервые оглядывал всю местность. Видно осмысливал, звонить на заставу или самому принимать решение. Чувствовалось, что после рассказа Гаджиева в нем боролись два чувства — и беспокойство, и нежелание самому глупо выглядеть в простейшей и почти обыденной ситуации, над которой он сам несколько минут назад подтрунивал.

И решение принял:

– Вы продолжайте несение службы, а я с напарником проверю подозрительное место.

Они долго бродили в кустарнике и по опушке леса. К этому времени туман, появившийся после дождя, стал еще гуще, особенно сильно он стелился в лесу и над рекой.

Перед уходом старшина сказал:

– Проверил все, никого нет. Следов серьезных тоже не обнаружил – трава после дождей везде сильно полегла. Да и ваших следов полно. За участком понаблюдайте, задание связистам напишу сам.

Эх! Был бы он с собачкой, все было бы по-другому. Его Пират бы не подкачал!

Проверка удалась, а в 6 часов с участка снялся и «часовой границы».

В 8.00 на этом участке заступил на службу «часовой границы» на вышке.

Пробуждение было неожиданным — пришельцу показалось, что на его «еловое одеяло» что-то упало.

Солнце было уже почти в зените и хорошо прогрело постель незнакомца и его самого. Ночное происшествие заставило его быть еще более осмотрительным. Поэтому, прежде чем вылезать из под «одеяла», он решил оценить ситуацию – где он, сколько времени, какая обстановка вокруг. И что это его разбудило?

– Матка бозка, – чуть было не вырвалось у него, когда он бросил первый взгляд вверх — его лежанка располагалась в каких-то 20-25 метрах... от пограничной вышки.

«Как же я не заметил ее, когда ракета освещала местность?»

Его спасали только густо разросшиеся заросли кустарника. На вышке ходил пограничник и грыз яблоки, иногда он останавливался и пытался подальше забросить огрызки. Один из них, видимо, и угодил в эти кусты.

Ситуация безвыходная — нужно замереть и ждать. Сколько это может продолжаться — неизвестно. Но не будет же он постоянно ходить. Может быть утомится. Нужно выждать такой момент. И он настал. Пришелец услышал, что пограничник с кем-то разговаривает. Нет, это не разговор по телефону — он слышит голоса в ответ, раздающиеся из-за КСП. Это мимо вышки проходил «дозор». Несколько минут хватило пришельцу, чтобы аккуратно выбраться из своего убежища и, перемещаясь от куста к кусту почти по-пластунски, постоянно прислушиваясь к доносящимся голосам, удалиться в глубину леса. Настало время для осмысления сложившейся ситуации и принятия единственно верного решения. Тем более, что, похоже, снова начинается дождь — солнце закрыли рваные черные тучи, а где-то за горами уже гремел гром.

Вернувшись со службы, Гаджиев с Васильевым, быстро почистив оружие, позавтракали и, уже позабыв о ночном происшествии, ушли спать. Молодой организм отключился сразу при первом прикосновении к подушке. Сон пограничника всегда глубокий, но очень чуткий — он услышит даже вполголоса произнесенные слова дежурного «Подъем! На службу».

Сегодня же их разбудило тревожно и громко прозвучавшее: «Застава! В ружье!».

И сразу сердце ёкнуло в каком-то плохом предчувствии — неужели ночью все-таки что-то было.

– Застава! В ружье, – еще раз раздался голос дежурного по заставе и далее: – Гаджиев, Васильев! К начальнику заставы.

– Товарищ капитан... – начал было Гаджиев, но тот прервал его и по-простому неуставному:

– Ребята! Быстро. Что у Вас было ночью. В каком месте?

– На левом фланге, на открытой поляне у реки, товарищ капитан...

– Все сходится. Обнаружены следы в наш тыл на левом фланге. В трех километрах от вышки. Примерно в середине фланга. Вы оба поступаете в распоряжение лейтенанта Савченко и выдвигаетесь с тревожной группой кратчайшим путем к месту обнаружения следа.

Стандартное «Слушаюсь!», поворот на 180 град. И бегом на выход. Теперь время работало против них, да и против всей заставы — если нарушитель безнаказанно сможет уйти — это уже прорыв. Это страшное ЧП.

Когда они вышли, лейтенант Савченко был уже верхом, в тревожную группу входило еще 2 человека и собака. Рванули сразу без всякой дополнительной команды — Савченко верхом, остальные бегом до ближайшего подъема, который начинался на изгибе шоссе около моста через реку. Обычно отсюда наряды выдвигались на дорогу, ведущую к «центру», чтобы следовать на левый фланг. Наряды движутся, как правило, по дороге до «центра» и далее по дозорной тропе. До предполагаемого места обнаружения следа это около 6-7 километров. Тревожная группа идет кратчайшим путем — от моста крутой подъем вверх. И, хотя местность здесь считается труднопроходимой, но этим путем можно было срезать около 4 километров.

Одновременно с тревожной группой Савченко, другой заместитель начальника с нарядом более 10 человек уже бежали по шоссе дальше, чтобы отрезать путь нарушителю к дороге. Часть из них осталась, чтобы рассредоточиться в секретах вдоль шоссе, другая стала подниматься в гору, перекрывая значительную часть зоны отхода с левого фланга. По тревоге была поднята и соседняя застава, которая взяла на себя часть территории ближе к своему стыку. Таким образом, со стороны шоссе был перекрыт весь левый фланг. Если след свежий, то нарушитель не успел еще выйти к шоссе и скрыться. Значит, в наш тыл он уйти не сможет. Если след свежий?.. Но возможен и его отход назад к линии границы. А там на весь фланг всего один наряд. Два человека.

Когда Савченко с тревожной группой прибыл к месту обнаружения следа, там их ожидал наряд, его обнаруживший и охранявший след до прибытия тревожной. КСП по диагонали пересекали явные следы человека. Переходил похоже что босиком. Разобрались быстро. Около 12 часов начался сильный ливень с грозой, и нарушитель, вероятно, решил этим воспользоваться, чтобы пересечь полосу. Он надеялся, что ливень размочит следы, и они будут сразу не очень заметны. Но ливень, как неожиданно начался среди солнечного дня, так быстро и прекратился. Следы остались не размытыми. Судя по сопоставлению времени окончания дождя, наряд обнаружил следы минут через 15-20 после окончания дождя.

От этого места до шоссе было чуть более 2 километров крутых спусков и подъемов, старый буковый лес, огромное количество старых опавших листьев, старые завалы из деревьев. Преодолеть эти 2-3 километра даже за полчаса довольно сложно.

Савченко принимает решение идти по следу — другого и быть не могло. Собака сразу взяла след и мощно рванула вниз — инструктор только успевал переставлять ноги. Остальные еле успевали, хотя бежать вниз — это не подниматься в гору. Савченко верхом петлял по лесу, осматривая все кустарниковые заросли, но не опережая собаки.

Вот впереди последний спуск перед шоссеиной дорогой. Уже слышен звук проезжающих машин, хотя самой дороги еще не видно. Лес становится все реже и реже. Собака стала просто рваться с поводка. Савченко заметил первым, что навстречу группе бежит человек. Вопреки логике он бежит от шоссе и поднимается в гору. Скорее всего, он уже обнаружил поисковые группы, выдвинутые на шоссе. Он еще не видит рвущейся наперерез ему тревожной группы, не видит собаки.

А может быть, это не он? Может быть, это местный житель случайно оказавшийся здесь. И бежит с перепугу. Нет! Это нарушитель — у него на шее наперевес висят ботинки, бежит он босиком. Почему он бежит в сторону границы стало ясно всем, когда увидели, что со стороны шоссе его уже преследует другая наша тревожная группа.

Когда нарушитель преодолел очередной небольшой подъемчик, он поднял глаза и увидел перед собой рвущуюся вперед собаку, четыре направленных на него дул автоматов и буквально свалившегося на него офицера.

Он понял, что это конец. Он проиграл! Но неожиданно для всех, Савченко, прямо с лошади оседлавший нарушителя, вдруг резко буквально отлетает в сторону от него. Тот напоследок, решив показать себя, провел какой-то боевой прием, сбросив с себя лейтенанта. От такой неожиданности кто-то из тревожной группы дал автоматную очередь.

– Отставить! – буквально взревел Савченко, поднимаясь с земли одновременно с обидчиком. Тот стоял уже с поднятыми руками, окруженный со всех сторон направленными на него стволами.

– Какой придурок стрельбы устроил? Перестрелять друг друга захотели? Куда он денется?

– За Вас испугались, товарищ лейтенант, — промямлил стрелявший.

Собака, успокоенная проводником, сидела смирно, но не спуская своего пристального взгляда с нарушителя. Только изредка поглядывала на своего инструктора, как бы ожидая от него одобрения такого поведения.

Эпилог.

Вначале нарушитель был доставлен на заставу. Затем был получен приказ отправить его в комендатуру — это в 5км от заставы. И вот на виду у местных жителей по шоссе движется группа — впереди верхом лейтенант Савченко, затем мужчина в грязной оборванной одежде со связанными сзади руками и ботинками наперевес на плече. И завершают два пограничника с автоматами наизготовку.

Действия наряда Гаджиев-Васильев признаны правильными и грамотными. Нарушитель описал всю ночную ситуацию до последней мелочи.

Комендант участка, выражая благодарность наряду, сказал Васильеву: «Твое счастье парень, что ты был с ним рядом и не обнаружил его. Иначе могло так случиться, что не увидели бы мы ни его, ни тебя в добром здравии. Видел, как он Савченко... Считай, родился в рубашке!»

Нарушение границы было предотвращено.

Лейтенант Савченко за захват нарушителя был награжден медалью «За отличие в охране Государственной границы СССР», ефрейтор Гаджиев поощрен отпуском на родину на 10 суток, мл. сержант Васильев получил почетный нагрудный знак «Отличный пограничник» и сфотографирован у развернутого Знамени части.

Вот такая была ночная история с дневным продолжением!

Я спасу тебя...

Я держала тебя на руках и шептала: «Не уходи, не уходи... Ты нужен мне... Не уходи...».

Мои руки были красные и теплые – от твоей крови, которую никак не могли остановить. Ты открыл глаза, и в сумраке взгляда читалось: «Только ты можешь меня спасти...».

«Я спасу тебя, слышишь? Не уходи, я спасу».

Я не знала, что мне делать, вокруг суматоха, врачи, какие-то посторонние люди, которые постоянно попадались на пути и мешали, мешали, мешали.

Это была «обычная автокатастрофа». Сейчас ведь не ездят, просто катаются.

Ты не хотел никого убивать, поэтому пострадал... Господи, если бы только пострадал!!! Ты умирал у меня на руках, я чувствовала, как холодеет твоя кровь, и глаза становятся небесно-голубыми.

Ты уходил. Навсегда.

Нет, я не позволю тебе так просто бросить меня и уйти, без слов, без звука...

Нет, ты не можешь оставить меня одну в этом мире...

Нет, я буду бороться за тебя.

Нет, врачи тебя не спасут.

Нет... нет... нет...

Мысли лезли одна за другой, цеплялись и путались.

Надо успокоиться и принять решение.

Какое? Я сама не знала, но что-то внутри росло, как ком, становилось огромным и опасным.

Тебя везли на каталке и опять мешали, мешали...

«Лена!!! Таня!!! Лед, кислород, вторая свободна?»

Ты открыл глаза и последний раз посмотрел на меня.

Нет!!! Нет!!! Не последний!!!

Теперь я уже знала, догадывалась, чувствовала – твоя жизнь – в МОИХ РУКАХ!!!

Но что делать, я не знала.

И внезапно вспомнилась наша первая встреча.

Глаза светились радостью, и волнением, и предчувствием огромного счастья.

Да, да, как вот этот ком, который внутри... но надо только почувствовать это ...счастье, тепло твоих губ... Надо почувствовать... Я ...чувствую... чувствую...

Надо только сосредоточиться на этом счастье, тепле... жизни...

Врачи орудовали в операционной, а я стояла за стеклом и не верила собственным глазам.

Вся моя сила любви была сосредоточена на нем, я вся дрожала, холод продирает до костей... Ноги подкашивались... Кажется, сейчас упаду.

«Но ты – живи... живи... ЖИВИ!!!»

Операция закончилась. Его удалось спасти.

Какая-то женщина лежала в дверях операционной, было не до нее.

Яркий луч света осветил реанимационную. Он спал, так спокойно...

Я с изумлением глядела на любимое лицо откуда-то издали, глаза видели. Руки – не могли. Сердце чувствовало. Мы вместе. Я рядом. Я навсегда.

Он открыл глаза. «Я здесь, любимый!!!»

Его взгляд обвел комнату, остановился на окне.

«Я здесь, любимый!!!»

Но он меня не видел.

Клерк

Невероятное множество обид я вытерпел от своего начальника. Но, когда мне стало известно, что он переспал с моей женой, я поклялся отомстить ему.

В то время я был при государственной службе, а мой начальник, Александр Иванович, ныне покойный - чиновником высокого ранга. Он завел специальный журнал, в котором клерки, к коим я тоже относился, по утрам писали время своего прибытия на службу.

Ровно в девять утра, когда по всем установленным инструкциям должен начаться рабочий день, начальник забирал журнал к себе и все опоздавшие ставили свои подписи уже в его кабинете. Заодно им предстояло написать объяснительную записку с причиной опоздания.

О том, что мне изменила жена, я узнал от соседки. Эта старая бестия была всегда подробно осведомлена обо всех делах в доме. Оказывается, она давно стала замечать, как господин приятной наружности, среди бела дня подолгу бывал в моей квартире. Из описания внешности гостя не было никаких сомнений, что это и был мой начальник. Я вспомнил, что именно в эти дни он загружал меня срочной работой, а сам куда-то исчезал.

После очередного опоздания я привычно писал в его кабинете объяснительную записку, но мне было необычайно легко это делать. Я уже не испытывал к нему неприязни, а даже, наоборот, во мне возникала жалость к нему, ведь он будет скоро покойником. Не смотря на жалость, мне так и хотелось написать в этой записке что-нибудь такое издевательское. «Что вы все улыбаетесь, как будто пишите анекдот?» - спросил вдруг меня начальник. Я вздрогнул и тут же сделал серьезное лицо.

У Александра Ивановича была одна слабость: страсть к быстрой езде. Каждый вечер, возвращаясь домой после службы, он разгонял свой Мерседес до безумной скорости – 200 километров в час. На его жаргоне это называлось «тапкой в пол». Но это еще не все. Александр Иванович был растяпой. Ну разве можно оставлять ключи от своей машины на столе, в своем кабинете. Даже уходя на совещание, он забывал о них.

Вот, что я предпринял. На педаль «газа» его машины я приспособил потайную защелку, которая не отпускала назад педаль, если ее отжать до упора.

Рабочий день подходил к концу, и мне захотелось увидеть, как закончится его последняя поездка. К концу рабочего дня я вызвал такси.

Вечер был изысканный. «Куда ехать?» - спросил таксист, повернув ко мне свое добродушное лицо. «Вот за этой синей машиной», - сказал я и уселся поудобнее. В такси пахло не то бензином, не то угарным газом, и я приоткрыл окно. Было бы неплохо, чтобы моя жертва узнала, кто и за что ее убил. Но сделать этого было уже невозможно.

Миновав загородный пост, я увидел, как синий мерс стал быстро от нас отрываться. Таксист прибавил скорость, но это не помогло. Перед крутым поворотом издали было видно, как мерс пытался сбить скорость, затормозить: его бросало в стороны, и на огромной скорости машина улетела куда-то прочь с дороги. Впрочем, этого и надо было ожидать. Разве можно разгонять транспортное средство до такой сумасбродной скорости?

На похоронах начальника было много народу. Помимо многочисленных родственников, собрались чиновники из верхних структур. Говорили хвалебные речи.

Прошло два месяца. Клерки, в том числе и я, стали забывать о некогда существовавшем грозном начальнике. Дисциплина упала напрочь.

Однажды утром, уходя на службу, я столкнулся в подъезде со своей соседкой. Она опять принялась мне рассказывать, как какой-то господин, приятной наружности, два дня назад приходил к моей жене. Какая-то чертовщина: по ее описаниям, этот человек был похож на моего начальника, незабвенного, Александра Ивановича.

Александр Это

Люблю

"Я люблю Тебя" - это не просто слова, а крик души. Я люблю Тебя всем сердцем, каждой капелькой своей крови, но ты не слышишь.

Я готов ради Тебя отдать все золото мира, отдать жизнь ради Твоего взгляда, продать душу, ради слова, обращенного ко мне. Я готов, но Ты не видишь.

Ты с другим, а я с другой. Но как больно мне осознавать то, что я не могу быть с Тобой рядом сейчас, а должен сидеть с этой пустышкой, которых так много стало на этом свете.

Я зову Тебя, но Ты не приходишь ко мне. Даже во сне Ты терзаешь мое сердце. Даже во сне Ты уходишь от меня. А я опять зову Тебя. Но тщетно.

Почему Ты не со мной? Почему Ты не здесь? Ведь Ты так нужна мне в часы радости и печали, ночью и днем, вчера и завтра - постоянно.

Но Тебя нет. Нет ни рядом, ни где-то далеко. Тебя нет на этом свете. А я так хочу к Тебе, но не знаю, встречу ли я Тебя там.

Но я знаю точно, почему Тебя нет здесь, на земле.

Потому что даже Бог влюблен в Тебя.

Потому что даже Он захотел, чтобы Ты была с ним...

И Он взял Тебя к Себе, отняв у мира красоту. Отняв Тебя у меня.

Будь же тогда только с Богом, чтобы я молился на Вас Обоих.

"С любимыми не расставайтесь..." (Кочетков).

Мадам «Нет»

1

В лице Джона Сидни не было ничего карикатурного, и, тем не менее, оно имело какое-то неуловимое сходство с шаржами на акул капитализма в ранних коммунистических плакатах. Впрочем, когда мистер Сидни улыбался, сходство исчезало без следа.

— Итак, вы очень любите деньги?

Девушка в кресле перед столом миллионера покраснела и кивнула.

Джон был готов расхохотаться как мальчишка. Он опустил голову и посмотрел на грубо заточенный карандаш. Незадачливую гостью уже давно следовало выгнать из кабинета, но, во-первых, у Джона было отличное настроение, а, во-вторых, девушка была удивительно похожа на его внучку Сьюзан. Иногда Сьюзи ласково целовала Джона в щеку и нежно шептала, что она готова ждать наследства еще хоть сто лет.

— Подведем итог нашей беседы, Танечка, — Джон старался остаться серьезным. — Когда вы так отчаянно рвались ко мне на прием, я решил, что вы финансовый гений или, по крайней мере, будущая английская королева. Но вы абсолютно не умеете ничего делать! Вы даже не смогли как следует заточить карандаш.

Танечка вжалась в кресло. Ее и без того большие глаза стали огромными и жалобными, как у затравленного зайца.

«Умрет, но не встанет, — с уважением подумал Джон. — Браво, Танечка! Упрямство в бизнесе не такая уж плохая штука».

— Я проработал в вашей стране десять лет, — уже мягче продолжил Джон. Он улыбнулся и поправил галстук. — И еще никому не заплатил даже цента за красивые глазки. Вы хотите получить работу? Хорошо. Сейчас здесь начнутся переговоры с моим старым другом по кличке «Бешеный Техасец». Вы останетесь. Спросите зачем? Вы будете Мадам «Нет».

— Простите, а в чем... — робко начала было Танечка.

— В чем будет заключаться ваша работа? — перебил Джон. — Знаете, когда человек ни черта не соображает в деле, ему ничего не стоит сказать «нет», оставаясь при этом совершенно невозмутимым. Правда, вам нужно запомнить, что «Бешеному Техасцу» никогда не стоит говорить «нет», пока он не снял свои ботинки или когда он снова надел их. Это главное. Если «Техасец» снял ботинки, значит, переговоры будут долгими и стоит поторговаться. Но мне не видно из-за стола, что он вытворять со своей обувью. За этим будете следить вы. Справитесь?

Танечка восхищенно кивнула. Мистер Джон Сидни снова улыбнулся.

— Тогда за работу!

2

...Когда сумма контракта перевалила за двадцать миллионов, «Бешеный Техасец» снял ботинки. Танечка стояла у окна и, нахмутив лобик, делала вид, что рассматривает документы.

— Ну, Джон?.. — на красном от возбуждения лице «Техасца» появилась хищная улыбка. — Это отличная цифра, дьявол тебя задери!

Два консультанта за спиной гостя — мрачные, высоколобые типы с одинаковыми лицами — тоже попытались изобразить подобие улыбок.

— Нет! — не отрываясь от документов, тихо сказала Танечка.

«Техасец» вздрогнул и удивленно посмотрел на девушку у окна.

Джон сунул в рот сигару и взглядом попросил Танечку подойти.

— Снял ботинки? — чуть слышно шепнул он на ухо.

Танечка кивнула и вернулась к окну.

— Двадцать один миллион пятьсот тысяч! — хрипло сказал «Техасец».

Джон выпустил в потолок колечко дыма и посмотрел на Танечку.

Гости сделали тоже самое. Девушка не спеша перевернула страницу...

— Нет! — уверенно сказала она.

Консультанты положили на столик компьютер-ноутбук и углубились в расчеты. «Техасец» нервно кусал губы.

— Двадцать два миллиона! — наконец бросил один из консультантов.

— Нет!

— Двадцать три!

Джон взглянул на фотографию Сьюзи на столе и весело ей подмигнул.

«Бизнес – удивительная штука, — не без иронии подумал он. — Правда, он чем-то очень похож на детские фокусы».

— Двадцать четыре!

Физиономии гостей стали потными от напряжения.

Танечка сказала «да» на цифре «двадцать пять с половиной», только после того, как «Бешеному Техасцу» все-таки удалось нашарить ногой под столом свои ботинки.

«Бешеный Техасец» вышел из кабинета, громко хлопнув дверью перед носом своих консультантов-близнецов. Те подарили на прощание Танечке пару взглядов, от которых свалился бы в обморок сам Клинт Иствуд.

3

Джон закончил смеяться только через пару минут.

— Танечка, знаете почему «Бешеный Техасец» снимает ботинки? Раньше у него была привычка класть ноги на стол. Ох, уж эти ковбои! Но кое-кому Европе это не понравилось. Тогда «Техасец» стал снимать ботинки. Элементарный выход! Какой идиот захочет хвастаться своими дырявыми носками?

Джон снова от души захохотал. Танечка вежливо улыбнулась.

— Завтра у нас еще одна встреча с «Техасцем», — Джон подмигнул Танечке. — Нам предстоит много работы.

Танечка радостно кивнула.

— Кстати, вы можете опоздать на встречу. Какой будет эффект, а?! — Джон затушил сигару. — А сегодня вы были просто великолепны!

4

— Идиоты! За что я плачу вам проценты с прибыли?! — «Бешеный Техасец» нервно расхаживал по гостиничному номеру. — Вас переиграла какая-то девчонка!

Консультанты мрачно рассматривали пол.

— Шеф, я не удивлюсь, если узнаю, что у этой девчонки компьютер в голове, — возразил один из них. — Я видел, как она улыбнулась на шестьдесят третьей странице договора. Мы работали над этой чертовой страницей три дня, а ей хватило пары секунд, чтобы понять исключительно все.

«Техасец» плюхнулся в кресло и сунул в рот сигару.

— Что вы приготовили на завтра?

Консультанты переглянулись.

— Сорок третью страницу, шеф, — вкрадчиво сказал один.

«Техасец» поморщился.

— Все чисто?

Консультанты не умели улыбаться. Когда они сморщили свои лица, они стали удивительно похожи на своего темпераментного шефа.

...Танечка опоздала на полчаса. Красный от возбуждения «Техасец» нервно откусил кончик сигары и сплюнул его на дорогой ковер. Одна его нога в рваном носке под столом почесала другую.

Джон Сидни встал и галантно поцеловал Танечке руку.

— Вас опять задержали в совете директоров? — улыбаясь, спросил он. — Они просто не могут без вас жить!

Танечка улыбнулась и что-то доверительно шепнула шефу на ухо.

— Отлично! — констатировал Джон.

«Техасец» заерзал в кресле, нагнулся и почесал голую пятку рукой.

— У нас мало времени, Джон, — проворчал гость.

— Что ж, продолжим...

Танечка взяла в руки толстую папку и, начиная с середины, быстро пролистала несколько страниц. Взгляд девушки скользил по столбикам цифр примерно с такой же скоростью, с какой осматривает товар в дешевой лавочке случайно зашедшая туда миллиардерша.

— Мы остановились на сорока миллионах, — напомнил «Техасец».

— Нет! — быстро сказала Танечка.

Мистер Джон Сидни глубокомысленно кивнул.

— Хорошо, пусть будет сорок один...

— Нет!

Один из мрачных консультантов гостя достал из кармана флакончик и накапал лекарство в два стакана.

— Послушай, Джон, — скрипнул зубами «Техасец». — Что тебе не нравится, черт тебя подери?!

Джон посмотрел на Танечку. Танечка пожала плечами и с озабоченным видом взглянула на часы.

— Ладно, — «Техасец» подался вперед всем грузным телом. — Сейчас я назову тебе последнюю цифру, Джон, и мы прекратим торг. Понимаешь?

Мистер Сидни внимательно посмотрел на красное от гнева лицо партнера. Потом он не спеша, поправил свой галстук.

— Сорок три! — рявкнул «Техасец».

«Пора кончать комедию», — решил Джон и снова тронул свой галстук.

— Нет! — тихо и внятно сказала Танечка.

Консультанты как по команде уронили стаканы.

Мистер Джон Синди мгновенно взмок от ужаса.

— Это твое последнее слово, Джон? — хищно улыбнулся «Техасец».

Джон открыл было рот...

— Последнее, — быстро сказала Танечка.

Улыбка «Бешеного Техасца» стала торжествующей.

— Ты проиграл, Джон! — он встал. — И может быть, проиграл так крупно первый раз в жизни. Прощай!

Прежде чем выйти следом за своим хозяином, консультантам снова пришлось открывать захлопнувшуюся перед самым носом дверь...

— Вы — глупая девчонка! — бушевал Джон. — Вы что, не видели лица этого кретина?!

Танечка молча водила пальчиком по полированной поверхности стола.

— Он предложил сорок три миллиона! — продолжал бушевать Джон. — И никто не дал бы за эту сделку больше. Боже!.. — Джон воздел руки к потолку, — Какой же я болван, что связался с вами!

Танечка подняла глаза и виновато улыбнулась.

— Пожалуйста, не волнуйтесь, шеф... Он вернется.

— Кто?! «Бешеный Техасец» вернется?! — Джон плюхнулся в кресло и горько расхохотался. — Вы с ума сошли!!

— Нет, но... — начала было Танечка.

— Не говорите больше при мне этого слова «нет»! — взвизгнул мистер Сидни. — Лучше скажите, за каким чертом «Техасцу» возвращаться сюда, если...

Дверь тихо отворилась, и в кабинет вошел «Бешеный Техасец». Он молча подошел к столу и сел. Джон быстро захлопнул рот.

Толстые пальцы «Техасца» нервно барабанили по столу.

Танечка подчеркнуто обиженно всхлипнула.

— Сорок четыре с половиной миллиона, — устало сказал «Техасец». — Ты согласен, Джон?

— Только ради тебя, — быстро улыбнулся мистер Сидни. — Не обижайся. Бизнес есть бизнес. Ты выпьешь?

«Техасец» молча выпил стакан виски и посмотрел на Танечку. Девушка пожала плечами и расписалась на первой странице договора.

«Техасец» встал. Потом он нагнулся и поднял с пола свои забытые ботинки. Кабинет делового партнера «Техасец» покинул, держа злополучную обувь подмышкой.

Мистер Сидни упал головой на стол и чуть не задохнулся от смеха...

7

Танечка не без интереса рассматривала вызывающе богатый интерьер ресторана. В ее глазах светилось почти детское любопытство.

— Что вы будете пить? — с отеческой теплотой поинтересовался мистер Сидни. — Что-нибудь легкое?

— Да, «Белую лошадь»! — не думая, выпалила Танечка.

— У вас удивительная логика, — улыбнулся Джон. — Но белое — еще не значит легкое. Тем более, если речь идет о лошади.

Танечка отхлебнула из бокала, сморщилась и с трудом проглотила огненную как перец жидкость.

— Теперь поговорим о вашей зарплате, — мягко сказал мистер Сидни. — Двадцать пять тысяч долларов в год вас устроит?

— Нет, — сказала Танечка и тут же закашляла от горечи в горле.

— Тридцать?

— Нет!

— Черт возьми, вы просто великолепны, мадам «Нет»! — рассмеялся мистер Сидни. — Ну, а сорок?

— Сорок мне предлагал ваш друг «Бешеный Техасец», — заметила Танечка. — Он ждал меня внизу возле вашего офиса.

Мистер Сидни проглотил остатки смеха вместе с куском ростбифа.

— Послушайте, Танечка, вы же умная девушка и понимаете, что та сценка, которую мы с вами дважды разыгрывали, простой блеф.

— Конечно! Но потом мистер «Бешенный» предложил мне шестьдесят...

— Танечка, вы слишком сильно любите деньги. Поймите, даже самый крутой блеф не стоит и половины этой суммы!

— А почему блеф? — Танечка отодвинула подальше бокал и потянулась к блюду с клубникой. — Вы считаете, что я смотрела только на ботинки вашего гостя? Вы мне были не менее интересны.

Танечка замолчала и занялась клубникой.

На лице мистера Сидни снова появилось заинтересованное выражение.

— Продолжайте, пожалуйста, — попросил он.

— Видите ли, в чем дело, — девушка улыбнулась. — Когда вы собираетесь совершить глупый поступок, вы всегда поправляете свой галстук.

— Например? — насторожился Джон.

— Например, вы поправляли его, когда предложили мне работу и когда собирались сказать «да» вашему партнеру.

Мистер Сидни уронил вилку.

— Ну и кем же я должен взять вас на работу? — тихо спросил он. — Своим ангелом-хранителем, что ли?!

Танечка пожала плечами.

Мистер Сидни задумался и механически поправил галстук.

— Знаете, что меня смущает? — наконец сказал он. — Все-таки даже ангел-хранитель не должен получать больше своего шефа. Мы продолжим наш разговор завтра. Я жду вас у себя в офисе ровно в десять.

8

Дома, в кабинете мистера Сидни, висел плакат с тремя толстыми буржуями в старомодных котелках. Джон купил этот плакат у немножко пьяного демонстранта и любил рассматривать буржуев, когда его мучила сложная проблема. Через час тяжелых размышлений он снял телефонную трубку.

— Мне профессора Константина Петровича, пожалуйста... — попросил он. — Хорошо, я подожду.

Через минуту в трубке раздался хорошо знакомый голос.

— Что-нибудь случилось, Джон?

— Случилось, дружище! У тебя нет на примете порядочного, веселого и симпатичного парня не старше двадцати восьми лет?

— Зачем? — удивился голос.

— Попробуй догадаться сам. Этот парень может быть кем угодно, но у него должен быть один крупный недостаток — презрение к деньгам! Понимаешь? Он должен презирать их по-настоящему.

— Ты ищешь жениха для своей внучки? — засмеялся голос на том конце провода. — Кстати, у меня есть один такой парень на примете. Он отличный художник и немножко занимается дизайном...

— Я жду его завтра у себя ровно в десять! — торопливо сказал мистер Сидни. — Я хотел бы срочно переоборудовать свой кабинет.

Через пару минут он повесил трубку и взглянул на фотографию Сьюзи.

«Все-таки Танечка удивительно похожа на нее, — подумал Джон. — А эти чертовы деньги способны испортить даже ангела воплоти!»

Перед тем как уснуть мистер Сидни долго рассматривал потолок. Потом он пришел к выводу, что «чертовы деньги», которым он посвятил всю свою жизнь, в сущности, не такая уж плохая штука. Но весь фокус состоял в том, что дарованная Богом любовь всегда должна быть сильнее, выше них.

«Это говорю вам я — старая акула капитализма Джон Сидни, — улыбаясь, закончил про себя монолог Джон. — И уж поверьте мне на слово, я знаю, что я говорю!»

Мы выше этого...

Что такое жизнь?.. Жизнь — это беззащитный детский рисунок под крыльями стратегического бомбардировщика.

Моторы ревут: гу-у-у!..

Внизу города — как муравейники, дороги — как ниточки и озера — как капли. Красиво все-таки...

Первый пилот Мишка Петров думает: «Может быть, жене на день рождения ковер подарить?..».

Второй пилот Колька Иванов думает: «...Или платье в горошек?..».

Штурман Сережка Сидоров думает: «...Только вот денег нет!».

Первый пилот Мишка говорит:

— Ребята, слушайте анекдот. В кабину стратегического бомбардировщика вламывается угонщик с топором и кричит: «В Турцию!». Летчик: «Ты че, мужик, обалдел?!». Угонщик опять: «Кому говорю, в Турцию!». Летчик что-то проворчал под нос, пощелкал тумблерами и через пару секунд к линии горизонта с гулом ушли десяток крылатых ракет. Угонщик уронил челюсть на грудь, потом топор на пол... Летчик говорит мужику: «Ну, че ты на меня вылупился?.. Говори, в кого еще!».

Штурман Сережка снизу кричит:

— А?!..

Мишка говорит:

— Тетеря ты глухая!

Второй пилот Колька говорит:

— А вот тоже анекдот. Два чукчи, Вася и Петя, рубят дерево. Петя говорит: «Вась, мы вчера с тобой выпили, а моя жена ругается, однако...». Вася: «А ты вали на меня!». Рубят дальше. Петя: «А еще моя жена ругается, что мы с тобой по девочкам ходим». Вася опять: «Вали на меня все, однако!..». Свалилось дерево. Петя шапку снял и шепчет: «Эх, Вася, Вася!..».

Штурман Сережка снизу кричит:

— А?!..

Колька:

— Тетеря!..

Моторы ревут: гу-у-у!..

Помолчали.

Колька спрашивает:

— Миш, а те ребята какие ракеты запускали?.. По десять мегатонн, да?

Мишка говорит:

— Идиот, что ли?!.. Это же анекдот.

Штурман Сережка снизу кричит:

— А я ничего не понял!

Мишка говорит:

— Тебе легко жить, ты из глухомани.

Еще помолчали. Три дня назад на вылазку ездили — вместе с женами. По бутылке на брата выпили — вроде ничего. Еще по одной — и полная амнезия. Как обрыв киноплёнки.

Мишка думает: «А вдруг моя жена...»

Колька думает: «...Мне изменила...»

Сережка: «...С обоими этими дураками?!»

Когда утром в себя пришли: у Мишки ромашка перед носом раскачивается, у Кольки — колокольчик, а Сережку муравьи за нос кусают.

Мишка думает: «Пьяного мужика...»

Колька: «...Очень легко бросить...»

Сережка: «...Мордой на муравейник!»

А голые жены в пруду плескаются... Там, за туманом. Прямо как русалки, честное слово!.. И главное, на чужих жен смотришь, а своей кричишь: «Сейчас же оденься, дура!». Собственнический инстинкт, что ли?!

Моторы ревут: гу-у-у!..

Глядь, из-за облаков американец вынырнул. Тоже, кстати говоря, стратегический: под крыльями сплошной забор из боеголовок.

Веселый голос по радио говорит:

— Хелло, рашен! Слушайте новый анекдот. В кабину стратегического бомбардировщика вламывается Усама Бен Ладан с автоматом и кричит: «В Ирак!...».

Мишка говорит:

— Уже слышали.

Веселый голос говорит:

— А этот?.. Значит, двое русских рубят дерево...

Сережка кричит:

— Тоже, тоже!.. А теперь меня послушайте. Заходит, значит, пьяный мужик в магазин, покупает бутылку водки и — трах! — роняет ее на пол. Мужик в шоке!.. Он смотрит на свои пустые руки, потом на осколки на полу и медленно выходит из магазина. Молодая продавщица шепчет своей старшей подруге: «Тань, а почему ты ему сдачу четыреста рублей не отдала?». Та в ответ: «А зачем?.. Ты же видишь, что не везет сегодня этому мужику, хоть ты разбейся!».

Потрепались еще... Потом за жизнь поговорили. Американцам — трудно. Они ведь в кредит живут: дом, машина, обстановка — все в кредит.

Мишка говорит:

— А у нас жены в кредит. Не будешь любить — сбегут!

Американец спрашивает:

— А как же дом, машина, обстановка?

Мишка говорит:

— Дом и все прочее — как презерватив. Защищает, но не греет.

Потом домой полетели.

Моторы ревут гу-у-у!..

Мишка думает: «Нужно, наверное, жене еще одного ребенка родить...»

Колька: «...Тогда никуда она не сбежит...»

Сережка: «...С четырьмя детьми-то!»

На облака посмотрели. Красивые они, облака эти!.. А там, ниже, беззащитный детский рисунок. Жизнь, одним словом... И чего только не намешано в этой жизни: и плохого, и хорошего.

Улыбнулись ребята.

Каждый думает: «И черт с ним, с плохим!.. Мы — выше этого...».

Хорошо летать... Просто хорошо и все.

Мыло спасёт мир

1.

Святой Михаил топтался на пороге библиотеки. Назвать это библиотекой было сложно. Огромный кусок райского сада был огорожен штакетником и заставлен книжными полками длиной в несколько сот метров и в десяток рядов. Сотни херувимчиков порхали вдоль полок и смахивали пыль с книг, следили, чтобы не заводились клопы и плесень.

Здесь хранилось всё, что было написано людьми за всю историю человечества, начиная от шумерских глиняных табличек и египетских рулонов папируса и заканчивая последними изданиями, ещё пахнущими типографской краской. Каждый день сюда присылались ящики с новыми книгами, устанавливались новые стеллажи, все поступления вносились в каталог, работа кипела не переставая. Читальным залом служила лужайка с беседками, розовыми кустами и несколькими деревьями смоковницы, в кронах которых весело, но не громко щебетали птички.

Бог любил читать. Он читал почти постоянно, читал всё: детективы, любовные романы, фантастику, научно-познавательную литературу. Прессу он не любил. Техническую литературу просматривал бегло, ознакомительно, так как она была суха и скучновата. Обожал стихи и детские сказки. Со снисходительной улыбкой пролистывал труды всяких гуманитариев, размышляющих о морали, добре и зле, этике и эстетике и, собственно, о самом Боге. Философия его умиляла так же, как любящих родителей умиляют первые каракули их чад.

Но особую любовь он питал к сценариям. В Раю не было ни телевизоров, ни кино, так как отсутствовало электричество. Но это не мешало Богу, наделённому недюжинной фантазией, представлять себе всё, что могло бы происходить на экране. Но и сценарии бывают разные. Но к этому мы ещё вернёмся...

- Бог, - робко позвал Святой Михаил.

Бог сидел в своём любимом кресле-качалке, уставившись в книгу, лежавшую у него на коленях. Одной рукой он поглаживал бороду, а в другой держал кубок с нектаром. Бог не любил, когда его отвлекали от чтения. Если книга была особенно интересная, мог запустить пакетиком с солёными орешками, а то и огреть посохом, поэтому визитёр остановился на безопасном расстоянии.

Бог с недовольством закрыл книгу, снял очки и посмотрел на архангела.

- Ну что опять? Я не понимаю, неужели обязательно меня отвлекать? Вас несметное количество бездельников, каждый знает своё дело, я специально трудился шесть дней, чтобы отдохнуть на седьмой. Ты в курсе, что сейчас ещё седьмой день?

- Я только напомнить... Вы сами просили. На завтра Вы обещали конец света. Нужно решить несколько вопросов. Без Вас никак.

Бог устало вздохнул.

- Ну дался вам этот конец света. Всё же спокойно, нормально, тихо. Наслаждайтесь райской жизнью.

Нет, всё у вас какие-то интриги, авантюры. Короче, мероприятие переносится на неопределённое время. Нектар будешь?

- Вы обещали, - стоял на своём Михаил. - Уже просто неудобно переносить, мы уже сто раз переносили, Вы мне обещали, что я буду организовывать всё - второе пришествие, страшный суд - и потом буду царём на Земле. Значит вот как Вы держите своё слово?

- Моё слово. Я его дал, я его и забрал. Дорогой, ну подумай, что я буду делать без людей, без этих графоманов. Я останусь совсем без книг. Кто будет писать книги, а? Ты только послушай, какие страсти, какие эмоции, какие чувства!!! - Бог стал листать томик, выбирая цитату.

- Не нужно, пожалуйста. - Михаил знал, что цитата могла затянуться до самого эпилога.
- Но вопрос мы не закрываем, хорошо?
- Хорошо, хорошо, - сказал Бог, усаживаясь в кресло, - нет ну надо же, на самом интересном месте оторвали, - ворчал он вслед уходящему архангелу.

2.

Бог не всегда был заядлым читателем, изначально он был писателем. Сначала появились мемуары о начале начал, перешедшие в должностную инструкцию для людей. Чтобы люди смогли это прочитать, Богу пришлось дать им письменность. Ему так понравилось писать, что он продолжил свою книгу историческим романом вперемишку с назидательными историями. Трилогия закончилась авантюрным романом про афериста-еврея с печальным финалом. Бог переписывал его четыре раза и оставался вечно недоволен то стилем, то слогом, то логикой повествования. В конце концов он решил оставить все четыре варианта под разными псевдонимами. Книга сначала не пошла, но после успешно проведенной PR-компания разошлась многомиллиардным тиражом по всему миру и по сей день считается бестселлером номер один.

Было ещё несколько книг - Коран, философско-фантастическая сага Бхадгавадгита, Книга Мёртвых и даже порнографический шедевр Кама- Сутра, от которого он потом открешивался.

На этом его писательство исчерпалось, новые идеи не приходили, старые казались не столь интересными, и он решил почитать, что пишут люди. Это было роковым шагом. Бог подсел раз и навсегда. Его поразило, сколько жизни в том, что пишут люди. Ангелы в Раю тоже сочиняли. Но это были исключительно топорные панегирики, восхвалявшие Бога и его деяния, надоевшие Господу до изжоги.

Книги людей были настолько эмоциональными, что Бог даже всплакивал над ними. Горе и радость, любовь и ненависть, хитрость и благородство, смерть и рождение - там было всё, о чём можно было только мечтать в эмоционально-стерилизованном Раю. Бог приказал собрать всё, что было написано людьми, объявил вечный седьмой день и взялся за чтение.

Он читал дни и ночи, переложив заботу обо всём на плечи ангелов, архангелов, херувимов, серафимов и прочей райской братии.

Читать ночами при свете свечи было неудобно, и он объявил в Раю вечный день, но потом, под натиском постоянно не высыпавшихся обитателей, сдался, вернул ночь и читал, скрипя своим креслом, напялив на голову шахтёрскую каску с фонарём.

На Земле же в это время кипели страсти, дававшие почву для написания всё большего и большего числа книг. Бог наконец-то решил для себя, зачем он создал людей- чтобы они творили для него чтиво. Раньше чёткого ответа не было даже у него и вокруг все недоумевали, для чего нужен был весь этот геморрой - нянчиться с этими тупыми и злобными созданиями, обучать их, заботиться о приросте, обустроивать Рай и Ад. Ведь как было спокойно на Небесах, пока Бог сдуру не создал это недоразумение. Жители Рая сразу невзлюбили людей, постоянно провоцировали всякие гадости, чтобы дискредитировать их в глазах Бога, но Бог был непреклонен (вот же характерец!! ни за что не признает свои ошибки) и всем пришлось смириться, но надежда на обещанный конец света всегда теплилась в их сердцах.

- Бог, народ спрашивает, что с Армагеддоном?- теперь явилась целая делегация. - Все сроки прошли, все пророчества уже просрочились, в тебя люди перестают верить, на Земле бедам и непотребства.

Бог рылся в только что поступившем ящике с книгами

- С глаз долой пошли!!! - рявкнул он. - Да где же он есть? Неужели не пришёл?

- Что Вы там ищете? - поинтересовался из-за спин товарищей подхалим Самуил.

- Да вот, не вижу что-то сценария последней серии "Розы Марии". Пожалейте вы меня, ну как я могу взять и уничтожить всё, не узнав, выйдет ли Роза за дона Хуана, найдётся ли её

дочь и поймают или нет убийцу дона Карло. Вы жестокие, бессердечные существа. Уходите, не терзайте моё сердце. О!!! Вот он!!! Всё, товарищи, аудиенция закончена.

Бог плюхнулся в кресло, надел очки, закурил и погрузился в чтение.

- Бог, - не унимался Михаил, - сколько серий осталось?

- Откуда мне знать, но дело движется к развязке. Вот, вы только послушайте: "Роза Мария плачет, её утешает Луиза, обняв за плечи...".

Делегаты стали потихоньку пятиться, чтобы уйти незаметно и вежливо.

- Бог!!! - сказал Михаил, - пообещай, что как только сериал закончится, сразу начинаем конец света.

- Да, да, - сказал Бог, не отрываясь от чтения, - иди уже, пока посохом не получил.

- Смотрите, Вы дали слово.

Бог резко махнул в сторону Михаила своей клюкой, но промазал. Михаил стоял уже предусмотрительно далеко.

3.

Однажды Богу подкинули идею, как сразу убить двух зайцев - и конец света провести, и без книг не остаться. Быстренько провели амнистию и выписали из Ада два товарных вагона классиков. Специально для них был построен двенадцатиэтажный дом со всеми удобствами. Всем выдали карточки на усиленное питание, и всех освободили от общественных работ. В бумаге и перьях недостатка не было. Марайте на здоровье.

Но этот гениальный план завершился полным провалом. Даже самые маститые динозавры не смогли выдать из себя ни одной строчки. Тихое болото Рая совсем не вдохновляло. Помаявшись в творческих страданиях, писаки пошли во все тяжкие. Одни упивались нектаром, блевали в райских кущах, затевали драки и горланили по ночам богопротивные частушки. Другие впали в депрессию и всё пытались покончить собой, третьи просились обратно в Ад.

Граф Толстой с утра залезал на кипарис и хаял во всю христианство, Пушкин с Лермонтовым швырялись перчатками, стрелялись на дуэли, а по вечерам гонялись без трусов за некрасивыми монашками. Гитлер, попавший сюда за "Майн Кампф", сразу сколотил социал - демократическую партию и стал готовиться к войне. Рэмбо всё пытался ущипнуть за зад проходящих мимо ангелов, за что был неоднократно бит, и даже пару раз стрелял глазками самому Богу. Маркс и Ницше исписали все туалеты надписями "бог умер" и "религия- опиум для народа". Цвейг с Ремарком вообще открыли подпольное казино.

Жители Рая облегчённо вздохнули, когда всех писак ночью погрузили обратно в вагоны и отправили в Ад и был издан указ о недопущении в Рай писателей, художников, композиторов и прочей богемы. Лишь иногда вызывались актёры, которые в ролях читали Богу, когда у него совсем уставали глаза.

- Бог, я слышал сегодня Вы получаете сценарий последней серии вашего сериала, - Святой Михаил нервно подёргивал крыльями.

- Вот пиявки, - Бог закрыл томик стихов. - Уже получил и уже прочитал. И что?

- Как там Роза? Вышла замуж?

- Да, - воодушевился Бог, - вышла!! И у них должен появиться малыш, всё закончилось хорошо... люблю, когда хэппи-энд. А что это ты спрашиваешь?

- Я по поводу конца.

- Какого конца?

- Света. Мы договаривались – вы дочитываете свой сериал и даёте добро.

- Правда? - Бог нервно теребил бороду. - Что-то я такого не помню.

- Вот я и пришёл напомнить.

- А давай завтра, а?

- Простите, что перебиваю, куда ящики ставить? - ангел в спецовке протянул Богу бумаги. - Вот здесь распишитесь ещё.

- А что там новенького? - поинтересовался Бог.

- Новый Паланик, Куэльо, Маринина, подшивка "Хастлера" за весь год, сборники детективов, поэтические альманахи. Да разве всё упомнишь. Тысяча двести сорок восемь книг.

- Это хорошо, - с тоской сказал Бог, с надеждой посмотрел на Михаила. - И вы хотите меня лишить всего этого.

- Да, - оживился курьер, - там сценарий первой серии нового сериала "Цветок любви". Аргентинцы начинают снимать, говорят будет больше тысячи серий. Это продолжение "Цветка страсти", помните?

Михаил обречённо побрёл прочь, не хватало ещё по горбу посохом схлопотать.

- Я обещаю! - кричал ему вслед Бог. - Серьёзно, вот дочитаю и сразу конец света! Сразу же!! Слово даю!!

Дана Соколовская

Сны Марго

Маргарита Семеновна с детства обладала грациозным станом и походкой, не в пример своей родительнице, которая была очень грузной. Отца своего, Семена, она не помнила, а уму-разуму её учила мать, которую все ласково называли Маруся - «Царствие ей небесное».

Любимым времяпрепровождением Марго было, растянувшись на кушетке в дальней комнате, предаваться неге и снам. В них она погружалась в головокружительную атмосферу эпохи правления Екатерины II, где она была одной из фрейлин самой императрицы.

Вот и сегодня ей снился чудный сон.

Она видела её только единожды, на одном из Высочайших выходов. Императрица любила, когда ей внимают много людей.

Дамы были в платьях белого цвета русского покроя со шлейфами, мужчины при параде. Все восхищенно смотрели, Императрица не просто шла – она как будто плыла.

- Профиль у тебя... – замолчала, подбирая слово, - Турчанка? – смерив высокомерным взглядом, спросила она Марго. И не дожидаясь ответа, последовала в залу.

«Ох, ну и плут же был прадед Семион. Хоть и неказистый, а все ж таки соблазнил самую красивую гречанку»

Пока шло «собрание», каждая из фрейлин мечтала, что именно ей позволят присутствовать на балу. Марго погадала на волос. «Хорошо, что наматывала на безымянный, а то вышло бы что чаяния не оправдаются». И мечты уже кружат её в мазурке с незнакомым кавалером.

Ах, балы, маскарады... в ту пору они отличались таким великолепием, богатством и роскошью, что поражали воображение повидавших многое придворных. Ах, танцы.

Так сладко спалось. И сквозь сон слышала голос хозяйки:

- Посмотрите-ка на Марго! Уж и так-то выгнулась и этак-то извилась. И мурлычет во сне. Вот потеха.

Кс-кс-кс. Иди, я рыбу тебе сварила.

Переписка

Finnig@n: Прием-прием! Я дошел. Ты тут?

Grom: Угу. Дверь нормально открыл, с ключом разобрался?

Finnig@n: Ага, но не сразу.

Grom: Ты извини еще раз, что напряг так. Но ты сам, в конце концов, захотел, чтобы я на гитаре поиграл.

Finnig@n: Да без проблем, босс! =)

Grom: =)

Finnig@n: Блин, ну ты и маньяк!

Grom: Чего такое?

Finnig@n: Да чего у тебя тут везде символы какие-то, статуэтки?

Grom: А, ну это руны ваще. Когда-то увлекался сильно. А статуэтки сугубо сувенирные.

Finnig@n: Реально маньяк.

Grom: Хы-хы. Ну чего там? Гитару нашел?

Finnig@n: А я пока и не смотрел, дай отдышусь чуть-чуть.

Grom: Слышь, тут отдышишься. Народ требует гитару! =)

Finnig@n: Да ща приду уже. Мне, к тому же, как-то неуютно у тебя.

Grom: Ты там выключатель нашел или в темноте сидишь?

Finnig@n: В темноте =)) Но ща мобильником се подсвечу, найду, где у тя тут «да будет свет» сделать.

Grom: Там под обоями выключатель.

Finnig@n: Все, нашел. Блин, все-таки ты натуральный маньяк!

Grom: Ну чего еще?

Finnig@n: Да у тебя тут мало того, что беспорядок, так еще и статуя какой-то фигни стремной.

Grom: Ой-ой-ой, человек с безупречной комнатой нашелся!

Finnig@n: Ну не с безупречной, конечно... =)

Grom: А «стремная фигня» - это какое-то божество греческое или римское или типа того. Это мне на деньюху давно подарили.

Finnig@n: Да ну, куда подальше такие подарки. Взгляд у него как живой. Щас вот сажу у тебя, а эта хрень как будто прям на меня смотрит. Жутко прям.

Grom: Хм, странно, что ты его вообще за книгами там разглядел. Я не говорю уже про взгляд... Да вроде пустые у него глаза. Он же гипсовый.

Finnig@n: За какими книгами, ты че? Я про то, что у тебя посреди комнаты стоит. Вон, хрень здоровая какая-то.

Grom: Чего?

Finnig@n: Ну, блин, красно-коричневая стремная статуя с неприятным взглядом. Вот, кстати, у нее за спиной твоя гитара как раз. Все, ща беру гитару и к вам. Надеюсь, эта хрень меня не сожрет =))

Grom: Чего?

Grom: СТОЙ!

Grom: ВЛАД!!! У МЕНЯ НЕТ НИКАКОЙ СТАТУИ ПОСРЕДИ КОМНАТЫ!!!

Finnig@n is offline

Данилов Сергей Иванович

Дырка от бублика

«Что-то получается, когда создается ничего»

Ученики его любили.

Как-то во время урока, подняв за тонкую ручку чайную чашку со стола, на котором стоял натюрморт, учитель повертел её перед всеми и поставил на место.

– А теперь, – сказал он, – рисуйте только то, откуда я только что вынул палец.

Ученики задумались и... продолжили рисовать чашку.

Учитель вздохнул.

На другой день он принёс бублик и сказал: – Рисуйте!

Ученики приступили к рисованию, а он подходил иногда к столу, брал бублик и откусывал кусочек.

– Хотите поесть? – предлагал он ученикам.

– Но если мы это съедим, мы же не успеем ничего нарисовать! – лепетали ученики.

– Вот именно! – говорил довольный учитель, – сначала рисуйте ничего! А то – не успеете.

Правило четырёх рук

...Учёные установили, что все люди знакомы друг с другом через четырёх человек...

Анжела спешила в университет. Она была симпатичной упитанной блондинкой, которая верила, что тесная одежда делает человека стройнее. Благодаря этому своему заблуждению Анжела никогда не оставалась незамеченной. Проезжающие мимо автомобилисты отчаянно сигналили ей, прохожие обдавали её улыбками и даже светофоры, как казалось девушке, игриво подмигивали. Ей оставалось всего лишь перейти дорогу, чтобы оказаться в прохладных аудиториях университета, там сесть на самом видном месте и смущать профессоров своей невозможной красотой (вчера молодой доцентик полтора часа заикался и смотрел в пол, боясь поднять глаза на студентов, конечно, всё это из-за неё). Зелёный свет никак не хотел загораться, Анжела не выдержала и, убедившись, что трасса чистая, быстро (насколько позволяли каблуки) пошла на другую сторону. Внезапно зазвонил её мобильник. Девушка резко остановилась и принялась рыться в своей сумочке. Её сердце бешено стучало. Оно стучало каждый раз при звуках телефонного звонка. А в голове всплывала совершенно иррациональная фраза: "А вдруг?!". Впрочем, Анжела не успела узнать, кто звонил, потому что в этот момент её толкнули в бок. Это была огромная красная фура. Водитель грузовика успел сбавить скорость...

- Почему ты всё время твердишь, что это не свидание, если это самое настоящее свидание? - спросила Лиза, изобразив на своём лице обиду.

- Да почему же это свидание? - улыбнулся Витя,- Нет ни вечера, ни заката, на столе не стоит свеча и музыканты не поют нам серенады.

- Ты пошляк.

- А ты глупая.

Девушка поставила бокал на стол и, не в силах больше изображать обиду, рассмеялась.

- Ты первый человек, на которого я не могу сердиться. Называй меня как угодно.

- А ты первый человек, которого я могу называть как угодно. Представляешь, какое это счастье?!

- У нас любовь? - игриво спросила Лиза.

- Любовь придумал Пушкин

- Что? - не поняла девушка.

- Так говорит мой сосед, Колька-дальнобойщик - сказал Витя,- ему с женщинами клинически не везёт.

Лиза встрепенулась.

- Слушай, у меня есть подружка Анжела, тоже клинический случай. А давай познакомим их!

- Ага.

- Прямо сейчас звони ему, а я продиктую анжелкин телефон!

И они принялись за дело, желая поделиться с кем-то переполняющим их счастьем. А вдруг?!

Николай сидел за баранкой третьи сутки без сна, нарушая тем самым все нормативы труда и отдыха. Да и плевать, дома отоспится. Через его нутро прошли десятки литров кофе, порой ему начинало казаться, что он никуда не едет, пейзаж за лобовым стеклом сливался в три мутные полосы: серую посередине и две зелёных по бокам. Надо было лишь следовать за этими полосами и стараться не потерять их. Наконец, его грузовик въехал в город, до

пункта назначения оставалось совсем немного. Николай похрустел шеей, выматерился и похлопал себя по щекам. Зазвонил телефон.

- Где ж ты падла? - водитель принялся ощупывать карманы своей куртки. - А, вот! Алло? Здорово, Витёк! Да, только что въехал в город. В порядке. Что за номер телефона? Э, нет, нахер, - Николай загоготал, - ты уже знакомил меня со своими сосками, хватит. Нормальных-то поди себе оставляешь, а мне что пострашнее, да позабавнее... Ах, эта нормальная и одинокая?! Записал. А звать как? Анжела? Имя как у шлюхи.

Он усмехнулся, но тут же начал набирать записанный на клочке газеты номер телефона. В голове крутилось дурацкое "А вдруг?!". Представляя себя Анжелу, Николай намётанным глазом увидел, что какая-то толстая дура рванула через дорогу на красный цвет. Он сбавил скорость, чтобы она успела пройти, и нажал на телефоне на кнопку вызова.

... и потому Анжела не сильно пострадала от столкновения. Умерла она от неудачного падения: ударилась об асфальт височной областью головы. Всё произошло мгновенно. Её телефон упал рядом и рассыпался на множество частей, выдавая своё китайское происхождение. Николай вышел из машины и встал над телом, постепенно приходя в себя. Телефон он по-прежнему держал возле уха. Оттуда доносились короткие гудки. "Перезвоню позже, - тупо подумал Николай, глядя на собирающуюся толпу, - вечно мне не везёт".

Елена Павлюченко

Ты врешь мне...

Ты врешь мне, хитрый лис, я знаю,
Но без тебя я пропадаю...
Окутал сумраком ночи,
Овеял пламенем свечи...

Не знала, что тебя ждала,
Ты не крещен, я верю в Бога,
Ты радость и моя тревога,
Ты на костре меня сожги...

Сожги меня в крутых объятьях
И поцелуем обожги,
Я вся твоя, хоть на распятье
Возьми меня, но обожди...

Дай глаз твоих огонь полночный,
Бровей не прибранный наряд,
Я знаю, этой ночью
Мы совершим с тобой обряд...

Царица ночи

Я провожаю день и поднимаюсь над Землёй, иду за закатом, всё выше и выше. Сменяю зарю на тусклые тени и заглядываю в окна твоего дома. Натыкаюсь на закрытые портьеры и перебираю складки плотной ткани, ищу, где ты оставил для меня ход. В открытом окне кухни вижу оставленную на столе посуду и считаю хлебные крошки. Отражаюсь в капельках пролитого вина и, опьянённая рубиновым отражением, продолжаю свой путь.

Вот пустая комната с недавно застеленной кроватью. Ты ждал гостей, но никто не приехал. Я составлю тебе компанию. Я обогну твой дом и найду тебя, проверив каждое окно, посмотрю, как прошёл твой день. Поиграю в хрустальных гранях бокалов, полюбуюсь старой картиной и узором на ковре, коснувшись мягкого ворса.

Твой кот посмотрит на меня, и мы с ним поболтаем, пока я буду в том окне, где пушистый лентяй облюбовал подоконник. Он ждал моего появления, беззаботно свесив хвост. Я отражусь в его зелёных глазах и заставлю зажмуриться. Он будет со мной беседовать, пока мой путь не приведёт к другому краю дома.

Я буду смотреться в стёкла окон и любоваться собой, наслаждаться тишиной и спокойствием ночи. Я найду тебя спящего на спине и пощекочу твой разум необычными сновидениями. Пролью свет на твоё спокойное лицо, двигая тенями книг, оставленных на тумбочке. Я озарю беловато-синим светом двор твоего дома, улицу, весь мир.

Я – царица ночи, полная луна, раздвигающая мрак. Я помогаю путникам не сбиться с пути, магам творить чудеса, влюблённым сочинять серенады. Я дорожка на тёмной воде, сияющая среди звёзд, украшающая собою тишину. Я – рождающая стихи, волнующая художников и пугающая невежд. Я – владычица и надзирательница, гуляющая по небосводу от горизонта к горизонту. С вечера до утра возбуждающая одиночек и успокаивающая обиженных. Мы обязательно встретимся еще, и я подарю тебе сны, которых ты ещё не видел. Воспой меня, и я принесу тебе свет, отраженный моим великолепием и спокойствием, преломлённый волшебством сбывающихся желаний.

Редкая Болезнь

Иван был болен давно и, похоже, неизлечимо. Хотя и всячески скрывал свою болезнь. От всех. Даже от жены, которая о мужнином недуге узнала совсем недавно, и то чисто по случайности.

Каждый день, ровно в час дня, несмотря ни на что, Иван приходил в центр посмотреть на памятник Пушкину. И только постояв минутку, поглядев на изваяние, Иван с чистой совестью отправлялся дальше по своим мирским делам.

Продолжалось это довольно долго. В будние дни вообще никому и в голову не приходило, куда это ходит Иван, благо его променады приходились на обеденный перерыв. В выходные как-то тоже проносило. Недолгие отлучки Ивана поначалу жену не особенно удивляли.

Но вот настал день, когда тайное стало явным. Как-то в воскресенье жена Ивана Ксения затеяла генеральную уборку. Иван взялся было ей помогать, но вдруг, взглянув на часы, прервал работу:

– Мне нужно отлучиться!

– Это куда? – с недовольством прошипела разгорячённая уборкой Ксения.

– Мне надо! – тоном, не терпящим возражений, отрезал Иван.

– Когда говорят «Мне надо!», подразумевается туалет! – попробовала было вставить жена, но Иван уже решительно обувал кроссовки. Не обращая никакого внимания на поток не самых приятных фраз со стороны Ксении, он отпер входную дверь и выбрался из квартиры.

В женском уме Ксении закопошились тревожные мысли о возможном адюльтере. Внутренний голос подсказывал ей, что нужно всё бросать и дуть за мужем.

Времени было мало. Накинув плащ прямо поверх халата, Ксения припустила по горячим следам. Выбежав во двор, она увидела своего благоверного. Прячась и стараясь не попадаться мужу на глаза, она тихо последовала за ним.

Какого же былое удивление, когда Ксения увидела, как Иван, постояв возле памятника, развернулся и отправился в сторону дома...

– Ну и куда ты ходил? – устало спросила Ксения Ивана, когда супруги очутились дома.

Отпираться было бессмысленно, и Иван нехотя признался во всём жене.

– А ты можешь не ходить? – с остатком надежды взглянула на мужа Ксения.

Иван отрицательно покачал головой.

– И давно это у тебя? – с грустью осведомилась жена.

– Давно, – тяжело вздохнул Иван.

– Придётся тебя лечить, – сокрушённо констатировала Ксения, уже обдумывая дальнейший план действий.

Поиски специалиста по анонимному лечению в итоге привели к тому, что супруги предстали в медкабинете перед пожилым дядькой в белом халате.

– Доктор, помогите! – взмолилась Ксения.

– Попробую, – бесцветно пробурчал «белый халат». – Рассказывайте, что у вас.

Выслушав рассказ, он задумчиво почесал затылок:

– Да-а, тяжёлый случай! – и принялся мучить Ивана всякими «Скажите «А», «Вытяните руки», «Дотроньтесь правой рукой до левого уха» и прочими тестами. После чего, наконец, впервые улыбнулся и сказал Ксении:

– Будем работать! Не волнуйтесь, всё будет хорошо! Я верну вам вашего мужа полностью здоровым! – и, обращаясь уже к Ивану, добавил:

– Я вас вылечу! Мы ещё будем с вами ходить каждые восемь часов вечера смотреть на памятник Чехову.

Татьяна Хорева

Исповедь

Я ничего не чувствую. Лишь во рту привкус сигарет. Они заменили мне все - любовь, развлечения, интересы. Когда мне хочется чего-нибудь, я просто беру в рот сигарету и убеждаю себя, что хотелось курить. Одежда, волосы - все пропахло дымом. Но я не могу остановиться. Со временем стало трудно даже высидеть лекцию - час двадцать без курения. Когда становится совсем уж не выносимо, я просто беру в руки сигарету и представляю, что курю. Нет, я не наркоман. Просто чувствую, что живу чужой жизнью, не своей. Как мне хочется вырваться из порочного круга, что-то изменить. Сердце все время чего-то просит, но я его не понимаю. Вместо этого я курю и убеждаю себя, что этого мне и хочется.

Вот я еду, сидя на ступенях эскалатора. Этого делать нельзя, но стоять нет сил. Сердце, как сломанный компас, постоянно ищет, но не находит путь. Моя жизнь цепями приковала меня к пустоте, и я уже не пытаюсь что-то изменить.

Я просто курю и убеждаю себя - это то, что мне необходимо.

Третий звонок

Висящие на стене холла настоящие механические часы пробили одиннадцать вечера. Их мелодичный звон ручейками разлился по всему помещению театра — в гардеробную — ведь театр, как известно каждому, начинается с вешалки, в холлы, заставленные антикварной мебелью, поднялся по лестницам на второй этаж — туда, куда посетителям обычно входить не положено — в гримерные, в комнаты отдыха, забитые реквизитом кладовые, затопил зал.

К администрации города подъехала машина, распахнула дверь и из нее выскользнула и побежала ко входу в театр, пригибаясь под упругими струями теплого весеннего дождя, Наташа, одна из актрис. Добежав до дверей, она подергала за них и негромко постучала.

Сторож театра, пенсионерка Мария Петровна, недовольно приоткрыла один глаз и поднялась со стойки буфета, облокотившись на которую, она доселе дремала. Негромко шаркая по коврам подошвами старых ношенных-переношенных тапочек, она пошла открывать, попутно бросив случайный взгляд на висящие на стене часы.

- Кого там нелегкая принесла? – пробурчала она себе под нос, но дверь открыла. Наташа вихрем влетела в теплое помещение театра.

- Мария Петровна, добрый вечер! – актриса скинула плащ и отдала его пенсионерке. Та приняла, недовольно взглянув на Наташу.

- Мария Петровна, я ненадолго! – актриса юркнула в соседнюю дверь, ведущую прямо в холл театра и, негромко цокая каблучками по мраморным полам, унеслась куда-то на второй этаж. Сторож уже было пошла в гардеробную, но тут в дверь театра снова постучали.

- Не заперто! – крикнула Мария Петровна. Дверь распахнулась, и в прихожую вошел Николай Иванович, актер. Его коронной ролью был доктор из «Безумного дня», и актер так сжился со своим образом, что и в повседневной жизни был более чем похож на своего персонажа — серьезного, умного, с идеальными манерами и даже, пожалуй, в чем-то немного чопорного.

- Мария Петровна, добрый вечер, – густым баритоном произнес он, снимая пальто и протягивая сторожу.

- Добрый, добрый. А у вас репетиция сегодня?

Николай Иванович почему-то замялся.

- Нет... А что, еще кто-то из актеров в театре?

- Да. Наташа вот только что, прибежала.

- Да забыла что-то, небось. Молодежь, они все такие — ветер в голове.

- И не говорите, – улыбнулась Мария Петровна и отнесла вещи в гардеробную, повесив плащ и пальто на специально предназначенные для одежды актеров крючки. Сторож села у буфетной стойки и снова чуть было не задремала, как в театр вошли Ольга Ивановна и Игорь Ильич — тоже актеры, которые и в жизни были семейной парой, и на сцене играли только супругов.

- О! Мария Петровна, вечер добрый! – обрадовался сторожу Игорь Ильич.

- Добрый. А вы в театр в такое позднее время зачем?

- Да так, кое-что забыли, – ответила Ольга Ивановна.

- Ну проходите. А тут еще Наташа и Николай Иванович, тоже только что пришли, – заметила Мария Петровна, принимая одежду.

- Хорошо! – ответил Игорь Ильич, открывая перед женой дверь в холл.

Мария Петровна взглянула на часы — те показывали пятнадцать минут двенадцатого — и снова села у буфетной стойки подремать еще немного. У нее был тяжелый день — поход на рынок, гости, почту приносили — плату за свет опять повысили — и уставшее тело требовало отдыха, который, впрочем, сегодня ей получить, видимо, не удастся — дверь театра снова открылась, и в прихожую буквально вбежал Ян — актер «одной роли» —

Фигаро в одноименной постановке. Он буквально бросил Марии Петровне легкую весеннюю куртку, мокрую от дождя, сказав:

- Добрый вечер, Мария Петровна, вот, возьмите куртку. Прошу прощения, но я очень спешу! – и умчался на второй этаж, оставляя на ковре и ступеньках мокрые следы.

- Нет, точно репетиция, – сказала сама себе Мария Петровна, вешая куртки Яна, а также пожилого актера Дмитрия Васильевича, старожила театра, и пальтишко Анны Сергеевны, тоже «на минутку» забежавшую в театр. Все они скрылись на втором этаже — там, где и располагались гримерные и реквизитные кладовые.

Больше до одиннадцати тридцати в театр никто не приходил. Часы на стене пробили половину двенадцатого, и Мария Петровна снова села в большое кресло, стоящее прямо у буфетной стойки, и начала дремать. Но буквально через пару минут ее разбудили голоса, доносящиеся из холла:

- Антон Павлович, пренеприятнейшая сегодня погода, вы не находите?

- Пожалуй. Льет как из ведра, милейшая Светлана Владимировна.

- Ах, а я так не люблю дождь. Ведь куда приятнее, когда на чистом голубом небе светит теплое весеннее солнце. Тогда все вокруг словно оживает, расцветает новыми, волшебными красками...

Мария Петровна вошла в холл, оглянулась — но никого не увидела. Голоса были четкими, ясными — мужской глубокий, красивый, и тонкий нежный девичий.

- Мария Петровна, доброго вам вечера. Присоединитесь к нашей беседе? – голос шел от стены. Сторож повернулась и столкнулась взглядом с портретом А. П. Чехова. Мария Петровна могла поклясться на чем угодно, что говорил именно великий таганрожец.

- Почему бы и нет? Я уверена, Мария Петровна будет приятнейшим собеседником, – заметил портрет И. В. Степановой, одной из самых знаменитых актрис, когда-либо игравших в театре имени А. П. Чехова.

- Ну... я... – замялась Мария Петровна. – Для меня будет честью принять участие в вашей беседе.

Портрет Ирины Викторовны негромко и звонко рассмеялся.

- Согласитесь, сегодня малоприятная погода. Всю ночь — как будто на небесах река из берегов вышла, – заметил Антон Павлович.

- Англичане говорят: «Если бы не погода, нам бы не о чем было говорить», – заметила Ирина Викторовна.

- Да... – протянула Мария Петровна. – Но, согласитесь, более интересной темы для общения незнакомых людей просто не существует.

- Существует, – оборвал ее голос сзади. – Можно также поговорить о войне, о славных подвигах предков и грядущих великих деяниях потомков.

- Всеслав Иванович, с вами только о войне и можно говорить. Но ведь это грязь, кровь, смерть... Это не только подвиги, но и поражения, – ответила портрету генерала Ирина Викторовна. – А если мы можем встречаться только один раз в году, то давайте выберем другую тему для разговора.

- Какую? Война — вот истинная тема для настоящих мужских разговоров!

- Но ведь я — женщина. И Мария Петровна — тоже. И нам неприятно слушать про эти ваши выстрелы, раны... Давайте лучше поговорим об искусстве. Сегодня ставят удивительно интересную пьесу...

Но тут разговор портретов был прерван первым звонком, извещающим о том, что пора, пора заходить в зал и занимать свои места... Портреты ожили — Антон Павлович улыбнулся — и краска растворилась, оставив лишь слегка желтоватый холст. Те же перемены случились и с остальными портретами — актеров и актрис; жителей города, простых, изображенных занятыми своими нехитрыми делами; писателей, генералов и полководцев, проезжавших через Таганрог и побывавших в театре. А потом открылась входная дверь театра...

Мария Петровна побежала к прихожей и обомлела, увидев вошедшую публику — Антон Павлович под руку с Ириной Викторовной, о чем-то беседующие государь Александр Первый и основатель города император Петр Первый, и многие другие — знаменитые и не очень жители и гости города вереницей проходили через прихожую, холл и в открывшиеся будто по-волшебству двери зала...

Прозвенел второй звонок. Какая-то женщина (Мария Петровна была уверена, что видела ее на одной из картин, но не могла вспомнить, на какой именно) оттаскивала за руку от буфетной стойки мужа, приговаривая:

- Дорогой, пойдем. Уже прозвенел второй звонок.

Муж отошел, и они скрылись в толпе, наводнившей прихожую и холл. Вот уже приходили не только изображенные на картинах люди, но и совершенно другие — и также словно вышедшие из прошлых времен, неторопливые, чинные, они без суеты проходили через прихожую, улыбались и кивали удивленной Марии Петровне...

Из холла вышла Ирина Викторовна, подошла к сидящей Марии Петровне.

- Ну что же вы сидите? Пойдемте, вот-вот прозвонит третий звонок. И мы вам там место заняли — на первом ряду, рядом с Антоном Павловичем.

Сторож встала и пошла в зал, полный — все места уже были заняты, — а зрители все прибывали и прибывали, уже останавливаясь в проходах и у стен, отовсюду слышался возбужденный шепот:

- Что же они сегодня покажут?

- Не знаю, но в труппе будет играть Дмитрий Васильевич, а значит — пьеса будет отличная!

- Вы думаете?

- Ш-ш-ш! Вот-вот начнется! Потом наговоритесь, ночь впереди длинная.

- Простите великодушно...

Но вот прозвучал третий звонок, двери в зал бесшумно закрылись, неяркий свет, льющийся, казалось, со всех сторон, погас. Заиграла негромкая веселая музыка...

Занавес поднялся.

На сцену выбежала Наташа, уже в образе невесты, и негромко начала звать главного героя:

- Фигаро! Фигаро!

Вот и пойми этих мужиков...

Утром пришел техник – чинить сигнализацию.

Такой словоохотливый, все спрашивает, спрашивает, а я и отвечаю, меня тоже молчуньей не назовешь.

Муж посмотрел на меня убийственным взглядом и язвительно прошептал: "Ты ему еще покажи, где деньги лежат".

Ну, я задумалась над его словами... все-таки, муж.

Заходит техник на кухню и обводит ее взглядом:

– О, сколько у вас варенья!!! (Мы как раз чай пили)

– Да самое дешевое покупаю, раньше сами варили, теперь дорогие фрукты и ягоды стали...

– Да и сахар... (добавила неуверенно, немного подумав – я представления не имею, сколько стоит сахар, у меня его вообще нет, может, из-за дороговизны?)

Глядя на стену, где висят тарелки, привезенные с курортов нашей земли необъятной, на холодильник с магнитами – из командировок бесконечных:

– О, я вижу, вы путешествовать любите!

– Да это все в прошлом, с первым еще мужем... (нынешний покосился на меня недоуменно – я ответила ему злорадным взглядом)

– Ух ты ж, какой ноутбук у вас!

– Да это я с работы на день принесла, сегодня отнесу – у меня старенький компьютер, ломается все время (пытаясь спиной заслонить новенький монитор, а компьютер и правда в ремонте).

– Вот это да! Какая у вас картина красивая!

– А, да это муж нарисовал, в 10-м классе еще... (купила на вернисаже в Третьяковке, правда, по-дешёвке)

– Правда???

– Ага, у бабушки, в деревне... (отродясь не было у нас деревенских бабушек)

Взгляд мой упал на мужа: тот глядел на меня совершенно обалдевшими глазами и отчаянно сдерживал смех.

Когда техник ушел, он спросил у меня:

– А что это с тобой было? Так врать!!! А еще учительница!

Вот и пойми этих мужиков!!!

Выбор

Ольга смотрела на четыре таблетки, лежащие перед ней на столе: красная, синяя, желтая, зеленая. Ей предстояло принять, наверное, самое важное решение в жизни, и выбор нужно сделать именно сегодня – биологические часы показали, что больше тянуть нельзя, наступил последний день.

За окном шумел город, и она отвлеклась на минутку, но тут же вернулась к своим раздумьям.

– Нужно сосредоточиться. Ох уж этот выбор, - вот так же ведь когда-то сидели и мучались в раздумьях и ее мама, и бабушка, а вот у прабабушки была совсем другая проблема. Да уж, жизнь у прабабки была совсем иная. Ольге вспомнились старинные автомобили, которые были в ходу в те времена – она видела их на картинках. Они выглядели так романтично – не зря в некоторых парках до сих пор катали на них детей и влюбленные парочки.

Прабабушку Ольга почти не помнила – только морщинистое, как печеное яблоко, лицо и руки в синих венах. Она умерла, когда Ольге исполнилось шесть лет. От нее всегда пахло чем-то сладким, то ли корицей, то ли ванилью, а еще она рассказывала истории, похожие на сказки. Про времена своей молодости, про то, как встретила прадеда, про то, каким был мир...

Ольга закрыла глаза и попыталась погрузиться в медитацию. Сначала ей представился луг, по которому к ней навстречу бежал темноволосый мальчик лет пяти. Когда он почти добежал до нее, его черты начали меняться, и он вдруг превратился в девочку. Ольга помотала головой, отгоняя ненужные мысли.

– Нет, ничего не получается. Как же выбрать? Хоть жребий кидай, - но жребий кидать было совершенно неприлично, обществом такие варианты ужасно осуждались, необходимо сделать свой, только свой, совершенно осознанный выбор.

Она снова прислушалась к себе и вдруг точно поняла: девочка! Раз – и чтобы не передумать, быстро схватила красную и синюю таблетки и выбросила их в мусоросборник. Желтая и зеленая лежали на столе и, казалось, подмигивали разноцветными глазами. Темное и светлое, темное и светлое... Ольга подошла к зеркалу, может с мамой посоветоваться? Нет, мама придет в ужас от того, что дочь не может решить сама. Закрыла глаза, открыла снова – ее зрачки нежно-голубого цвета казались в полумраке почти прозрачными.

Снова закрыла глаза, и вдруг на нее накатили воспоминания. Прошное лето, и пляж, и мужчина, который казался ей самым лучшим на свете. И его глаза. Темно-карие, почти шоколадные.

Ольга бросилась на кухню и быстро проглотила зеленую таблетку.

За окном шумел август 2136-го года. А через девять месяцев родилась Лия – девочка с шоколадными глазами.